

18+

Верещагин М.
Фофанова С.

Куда уходят
дети
со столбов?

М. А. Верещагин

Куда уходят дети со столбов?

«Издательские решения»

Верещагин М. А.

Куда уходят дети со столбов? / М. А. Верещагин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-683167-4

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Когда тебе 19 и твои родители — разведчики, покой
и семейное тепло могут только сниться. Ире приходится стать взрослой. От
рутины спасает лишь любимое занятие — игра на гитаре. Но все меняется,
когда в нескольких метрах от девушки случается страшная авария. Ира
не может не попытаться помочь. Понимает ли она, что теперь ее жизнь
изменится навсегда?

ISBN 978-5-00-683167-4

© Верещагин М. А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	34
Глава 12	36
Глава 13	38
Глава 14	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Куда уходят дети со столбов?

М. А. Верещагин

С. К. Фофанова

Художник Александр Иванов

Корректор Анна Силуянова

© М. А. Верещагин, 2025

© С. К. Фофанова, 2025

ISBN 978-5-0068-3167-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Чтоб я больше не слышала этих воплей! Дома есть нечего, а она песни горлопанит, вместо того, чтоб учиться!

Ира поплотнее закрыла дверь в комнату и, усевшись на кровать, продолжила терзать струны. Ее здесь нет. Есть только музыка.

Дома снова был грандиозный скандал на тему «Когда же ты возьмешься за ум?». В центре внимания была она. Ну конечно. А кто же еще-то? Родители в командировках постоянно. А ей что делать? Подготовка к экзаменам – не самое увлекательное занятие. Но папа с мамой уверены, что сани надо готовить летом. А к поступлению готовиться с шестнадцати лет, ага. Может, когда тебе есть с кем поговорить дома, эта формула и работает. Но уж точно не когда ты родителей только по праздникам видишь. Да и то, если хорошо себя проявишь. С другой стороны, мама была права: нормальная еда тоже была в основном по праздникам, и семья действительно считала каждую заработанную копейку. Но ей все равно нужно общение! Поэтому и ходит Ира в подземный переход, что недалеко от дома. Смотрит на музыкантов, которые там играют. Вот бы и самой попробовать. Сейчас было самое время туда прогуляться. Девушка натянула куртку и выскользнула за дверь.

Пройдя три квартала, она буквально скатилась под перекресток. Как же уютно в подземке. Вроде и темно, но свет откуда-то проникает. От этого тепло на душе и почему-то спокойно. Она огляделась: людей сегодня немного. Ноги сами понесли ее в знакомый закуток, где обычно стоит кто-нибудь из музыкантов. Сегодня там была тишина. Такая же, как в ее душе. Она накатывает, когда не знаешь, кто ты, зачем ты и что дальше. А еще очень хочется есть. Адски хочется. Что-то она задумалась.

– Эй, барышня, аккуратнее...

Ира отшатнулась в сторону, чуть не наступив на сидящего у стены человека. Похоже, она отвлекла его. Он и сам был поглощен занятным процессом. Наверное, не очень удобно есть в таком положении, но парень с жадностью уплетал огромную пышку. Сахарная пудра снегом сыпалась на потрепанные джинсы, старя их еще больше. Вокруг было шумно и суетно, но он не обращал на это никакого внимания. Для него существовала только она – вкусная, посыпанная пудрой. Заметив на себе взгляд потревожившей его девушки, он тут же прервался. Поспешно облизнув пальцы, стряхнул остатки сладкой пыли на пол, но внезапно что-то осознав, с сожалением посмотрел на джинсы. Странно... Почему Ира все это время стоит рядом и наблюдает? Она поспешно отвернулась. Стыдно признаться, но она всего лишь была голодна. Да, все это время она смотрела не на парня, а на пышку, которую тот с аппетитом поглощал. Только бы он не заметил.

– Прости, если напугал, – парень, заметив смущение, ловко обошел девушку и попытался завязать разговор.

– Не думал, что кто-то так близко подойдет. Я, кстати, Стас.

Ира стояла неподвижно. Даже зажмурилась. Ей почему-то стало стыдно, что она вот так разглядывает совсем незнакомого человека. Тот же, несколько не смущаясь, продолжил поедать пышку. Но Ира не уходила: отвернулась, но продолжала искоса поглядывать и наконец, он не выдержал:

– Ты голодная, что ли?

И, не дожидаясь ответа, он протянул ей остатки ароматной булки. Боже, как же аппетитно она пахла. Девушка хотела отказаться, но урчащий живот и головокружение не позволили. Она схватила еще теплый, слегка влажный от жира мякиш и запихала целиком в рот. Парень, улыбаясь, смотрел, как она ела, не отводя глаз.

– Ну вот. Спас тебя от голодной смерти. Теперь рассказывай: кто такая и почему спотыкаешься где попало?

– Меня зовут Ира, – девушка задумалась. А стоит ли говорить этому парню о родителях, о том, что снова орут, что есть дома нечего? И о заветной мечте... Наверное, нет, не стоит. Не поймет или...? Заметив, как внимательно молодой человек разглядывает ее руки, она невольно спрятала их в рукава.

Похоже, что все остальное парень понял без слов.

– Инструмент есть? Приходи, зарубимся...

Часть 1

Глава 1

Был дождливый осенний вечер. Ветер с упоением играл на струнах холодного ливня. Капли отбивали замысловатый ритм по окну, из которого, не смотря на поздний час, лился теплый свет настольной лампы.

Ира была дома одна. Она сидела за письменным столом перед раскаленным до жара экраном монитора. На стенах плакаты рок-групп. В ушах серьги со скелетами.

Прошло уже больше пяти месяцев с того момента, как она окончила школу. Но про институт сейчас и думать смешно: нужно было искать работу и помогать родителям. Выбрав для себя служение Родине на территории врага, они не всегда могли рассчитывать на жалование. Ее глаза быстро пробежали по объявлениям на Avito. Но ничего подходящего не было. По окнам настойчиво барабанил дождь. А здесь, в комнате, было сухо, тепло и уютно. Она тихо вздохнула.

Конечно, дело было не только в деньгах. Ей всегда не хватало родительского внимания и ласки. Они постоянно были в командировках. В детстве за ней присматривала добрая соседка, а сейчас девушка могла справиться и сама. Ира привыкла к тайнам, окружающим ее семью. Первое время ей было обидно смотреть на одноклассников, которые в любой момент могли прийти за советом или просто ласковым словом к родителям, ведь у нее такая возможность появлялась очень редко. Глядя на них, она часто ощущала себя детдомовцем, у которого на свете нет никого. Но человек ко всему привыкает. И она смирилась с одиночеством, ведь эти эмоции все равно ничего не изменят. Но сейчас родители дома, а завтра совместная прогулка в парк. Нужно встать пораньше, приготовить что-нибудь вкусное.

Девушка отвела воспаленные глаза от экрана. Музыканты с развешанных по стенам плакатов смотрели с сожалением. Серый кот сладко растянулся на диване. Везет же! Лежи себе... тебя и покормят, и погладят. Только не безобразничай и мышей, если таковые имеются, ловить не забывай. Сама того не заметив, Ира уснула, уронив на клавиатуру сначала руки, а потом и голову.

Если вы когда-нибудь засыпали на включенном компьютере, вы знаете, как потом болит голова. Ира подняла свое бедное тело с кипящей клавиатуры и... опрокинула его обратно. Ее смутило, что мама, обычно заходящая проверить свет перед сном, не разбудила ее, увидев спящую за компом.

Повернув голову в сторону еще не высохшего после ночного дождя окна, она зажмурилась от ярких солнечных лучей. Капли переливались на оконном стекле всеми цветами радуги. Солнце приятно щекотало Ирино заспанное лицо. Красоту момента нарушил желудок, красноречиво намекнувший на то, что неплохо было бы и перекусить. Укоризненно поглядев на свой живот, Ира отправилась на кухню. Привычным движением руки она открыла холодильник. Внутри классический набор: лед, лампочка и что-то не очень съедобное. Со вздохом девушка вернула дверцу в исходное положение. Послышался грохот: она что-то уронила. Оказывается, к холодильнику на магнит была прикреплена записка. На белом тетрадном листе в клеточку твердым маминым почерком было написано следующее послание:

«Доброе утро, доченька. Нам с папой нужно срочно на неделю уехать из города. Я надеюсь, ты понимаешь, что это по работе. Деньги на продукты лежат на столе. Не скучай.

Целую. Мама».

Девушка вздохнула: снова уехали. Что ж, семейный завтрак и прогулки опять откладываются неизвестно на сколько. Она сняла с холодильника записку, пересчитала оставленные

ей деньги: сегодняшних хватит на творог, он недорогой и вкусный. Продается в фермерском магазинчике, что расположен во дворе через дорогу. Именно туда и пойдём.

Глава 2

Между тем в одной из квартир дома напротив молодая мамочка собирала своего маленького сына-хоккеиста на тренировку. Огромная сумка ждала своего часа на полу в коридоре. Вокруг нее аккуратными кучками расположилось снаряжение: наколенники, налокотники, шлем, термокостюм, сменная кофта, штаны, носки. Сам хозяин всего этого богатства, пятилетний Андрюша, старательно утрамбовывал в пищевой контейнер нарезанные яблоки и банан.

Наконец сборы были окончены, и мать с сыном отправились на каток. На улице стояла теплая осенняя погода. Пели птицы, в воздухе витал запах прелой листвы. Машин во дворе было немного, да и ездили они почти всегда очень аккуратно. Поэтому женщина не спешила. Закинув вещи в багажник, она открыла заднюю дверь, чтобы пристегнуть сына. Мальчик, насупившись, сосредоточенно перебирал кубик Рубика. Мать затянула ремни и ласково потрепала его по голове. Резкий визг тормозов заставил обернуться. Успев лишь захлопнуть дверь, Елена почувствовала боль во всем теле и погрузилась во тьму.

Андрюша вылез из машины. Клубился дым, пахло чем-то неприятным, а рядом на асфальте в луже чего-то красного лежала мама. Взор заволокли слезы. Мальчик плакал и не мог видеть, что с другого конца двора к нему на помощь уже спешила Ира. Увидев аварию, она не смогла остаться безучастной. В считанные минуты девушка добралась до мальчика. Словно родной брат, он кинулся к ней на шею, и слезы из его глаз хлынули с удвоенной силой. Обнимая одной рукой дрожащего от горя ребенка, Ира быстро достала из кармана куртки телефон:

– Алло, «Скорая»? Во дворе дома №6 по R женщину машина сбила. Нет... Нет...

Пока девушка говорила с диспетчером, рядом с ними уже собралась толпа. Не решаясь подойти, глазели на происходящее местные пацаны, тихо переговаривались сердобольные тетушки. Одна из них, светловолосая, в сиреновом платье, достала из сумочки малиновый леденец и протянула шмыгающему носом Андрюше. Тот испуганно отвернулся и еще крепче прижался к Ире. Устав объяснять местоположение пострадавшей, она, наконец, услышала: «Поняла. Ждите» и короткие гудки. Опустила телефон и, присев около мальчика, спросила:

– Ну, как ты?

Будто не услышав вопроса, ребенок по-взрослому поднял брови:

– Мама умерла?

Ира не знала, что ответить. Свело скулы и захотелось плакать, но она сдержалась: при мальчишке нельзя. Девушка вновь посмотрела в глубокие синие глазенки с пушистыми ресницами:

– Малыш, нет. Она просто сильно стукнулась. Скоро приедет доктор и вылечит ее.

Обманывать, конечно, плохо, но в данную минуту надо было успокоить ребенка и у нее, похоже, это получилось. Мальчик перестал плакать, только, всхлипывая, пролепетал:

– Я Андрюша. А скоро мама Лена проснется?

Ира внимательно оглядела его. Монотонная интонация и то, с какой легкостью малыш пошел на контакт, насторожили. В книге по психологии стресса, взятой у родителей, Ира читала о таком. Состояние мальчика было похоже на шок. Нужно как-то отвлечь его от происходящего. Поэтому, сняв куртку и постелив ее на поребрик, она усадила ребенка, а сама расположилась рядом.

– Меня зовут Ира. А хочешь, я расскажу тебе сказку?

Девушка увидела, как с ресниц ребенка снова покатилась огромная слеза, и он еле заметно кивнул. Реакция на слова слабая, но была! Нужно было поддерживать эту искорку. Полились истории. Сначала про синего щенка и красную лошадь, потом про тридцать восемь попугаев. Андрюша слушал, иногда вытирая рукавом махровой кофты бегущие слезы. Какое-

то время он вздрагивал от каждого порыва ветра, но внезапно затих. Дыхание стало ровным. Ира поняла, что мальчик заснул. Краем глаза девушка следила за лежащей на асфальте женщиной, надеясь, что та все-таки придет в себя. Но чуда не происходило. Она прислонила голову ребенка на плечо и задремала сама.

Спустя минут десять послышалась сирена, и рядом с машиной Елены остановилась карета «Скорой помощи». Из задних дверей выскочили четверо щуплых мужичков в синей белой форме и обступили пострадавшую. По телефону Ира сказала, что не сможет остаться, поэтому на нее внимания никто не обратил. Сейчас же она поняла, что возникнуть рядом было необходимо. Елена уже была уложена на носилки. Фельдшер практически закрыла задние двери, но Ира ее остановила:

– А как же ребенок?

От неожиданности женщина даже вздрогнула, но, узнав девушку по голосу, лишь на минутку задумалась. По глазам было видно, что она принимает какое-то важное для себя решение. Ира мысленно просто умоляла оставить мальчика с ней, хотя и понимала, что по закону это невозможно. Угрюмая фельдшерица, немного помедлив, строго, но тихо ответила:

– Пока не обнаружатся ближайшие родственники, мальчика временно поместят в районный приют, – она поглядела на полное отчаяния лицо девушки и уже мягче добавила, – но Вы сможете его навещать.

Позже Ира не могла вспомнить, как у нее взяли номер телефона, как ребенка усадили в машину и как закрылась дверь. Она видела лишь послушно расположившегося на сидении мальчика. Все остальное было будто в тумане.

Девушка поглядела вслед «Скорой» и задумчиво вытерла набежавшую слезу. Что-то должно было произойти. Но Ира лишь отмахнулась от своей интуиции. Теперь все в руках докторов. Около часа она бродила дворами, собираясь с мыслями. Куда это она шла?.. Ах да, в магазин. Девушка свернула за угол и открыла стеклянную дверь. Наверное, видок у нее был не очень, раз даже не особенно внимательная до покупателей тетя Глаша участливо ей кивнула.

В кармане ветровки неожиданно запел телефон. Звонили из больницы. Все оказалось серьезнее, чем изначально подумали врачи «Скорой». У Елены были сломаны ребра и поврежден позвоночник, требовалась срочная дорогостоящая операция. Очередь на бесплатную была настолько медленна, что врачи опасались смерти пациентки. Поэтому нужны были деньги. Ира больше не слушала:

– Сколько нужно?

Женский голос на том конце провода сухо произнес:

– Четыреста тысяч рублей. Но медлить нельзя, операция должна быть сделана не позже, чем через две недели, иначе мы потеряем пациентку.

Может, для кого-то это и не сумма, но не для музыканта. И сейчас от нее зависела жизнь. Но Ира ни секунды не раздумывала:

– Я достану.

Где и как, пока было непонятно, но это были подробности, о которых можно подумать позже. Молчание в трубке напрягло. Девушка отняла его от уха и поняла: кончилась зарядка. Вот так, не в тему. Она укоризненно посмотрела на свой аппарат и хотела отправить его в карман куртки, но неожиданно обнаружила дыру в подкладке. Кто-то разрезал куртку и стащил деньги. Ира недовольно вздохнула: что ж за день такой... Внимание привлек висящий на стене перекидной календарь: сегодня же 13 сентября, пятница! А в куртке, между прочим, лежали деньги, оставленные ей на творог. Ладно, пусть повезет сегодня кому-то другому. Она отошла в сторону, чтобы не нервировать и без того расстроенную соседку кассирши. У той-то, разумеется, были проблемы «посерьезнее». Ее ж «ты представляешь, с ночи сосед заливает».

– Что я, Душерак ему, что ль, чтобы меня кипятком-то заваривали? – жаловалась она продавщице.

Какая забавная. Вряд ли эту милую старушку кто-то ошпаривал. Но сравнение с макаронами подобрано неплохо. Внезапно Ира вспомнила об увезенном в приют мальчишке. Пулей вылетев из магазина, она помчалась домой. Проскочив на красный свет, «здрате» – вечно дежурившей на скамеечке у подъезда бабушке в синем платочке, и финиш в квартире. Но и тут долго не посидишь. Скинув разодранную куртку, схватила гитару и выбежала на улицу. Немного отдышавшись – спринт в сторону подземки.

На полпути к цели ее настиг ливень. Он просто полил как из ведра и все тут. Подлю, очень подлю с его стороны, ведь за спиной у Иры гитара. Она, конечно, в чехле, но все равно страшно. Девушка ускорила и через двадцать минут уже была на месте, промокнуть насквозь чехол не успел.

Вход в купчинское метро встретил привычной сыростью и застоявшимся перегаром. Приглушенный свет доживающей свой век лампочки поддерживал общую атмосферу романтики. Граждане полицейские приветливо кивнули. Музыкантов здесь они давно уже не трогают.

– О, Иришка... Снова к нам? Какими судьбами? – знакомый голос от противоположной стены привлек внимание. Ира обернулась: ее давний друг и коллега Стас был занят блюзом, но это не помешало поприветствовать ее.

– Мне сейчас просто деньги очень нужны, – пролепетала девушка, распаковывая инструмент.

– Хмм... Кому ж они не нужны? – голос парня слегка задрожал, и ему пришлось закашляться, прочищая горло.

Ира знала – эта тема слишком болезненна для него. Дома ждали младшие брат и сестра, которых нужно было кормить. Их родители серьезно пили. В итоге Стас, Кирюша и Мариша оказались в детдоме.

Жизнь там была не намного лучше. Да, там кормили по часам и... все, пожалуй, на этом счастье заканчивалось. Бесконечные драки и ссоры между детьми нередко доходили до потери сознания одного из участников. С маленькими вообще никто особенно не церемонился. Чуть что, их, словно щенков, запирали в темной каморке, где малолетний арестант, забытый всеми, мог провести целые сутки. Вещи двойняшек, заботливо уложенные соседкой тетей Леной, сначала стали достоянием общественности, а потом и вовсе пропали в недрах большой кожаной сумки заведующей детдомом.

Сначала Стас старался держать марку и не размениваться на конфликты. Но терпению пришел конец в тот день, когда старшие малыши чуть не задушили его Маришу колготками. Это был предел. Парень решил бежать во что бы то ни стало. Во время прогулки, улучив момент, когда болтливые нянечки выясняли супер-важный вопрос: «Какая иномарка сейчас у Дженифер Лопес?», Стас взял двойняшек за руки и беспрепятственно покинул заведение. Встал вопрос: что дальше? Вести брата и сестру по подвалам страшно, но нужно было искать ночлег. Долго блуждая по городу в сумерках, они набрали на какую-то старую избу. Сил идти дальше не было, Маринка еле передвигала ноги, Кирилл старался не ныть, подражая старшему брату, но Стас понимал, что и мальчик очень устал. Понадеявшись на удачу, дети без стука вошли в сени – никто не отозвался. Стас прошел дальше, но и там никого не было. Бросив нехитрые пожитки в угол, дети растянулись на полу и крепко заснули.

С тех пор они жили в заброшенной бане на окраине города. С семи лет парень умел колоть дрова, строгать, через некоторое время выучился играть на шестиструнной гитаре. Тогда, в пятнадцать, когда понял, что надо бежать, эти навыки оченьгодились. Инструмент был единственной собственностью мальчишки, до которой не дошли загребущие руки детдомовского руководства. Поэтому она и сейчас была с ним.

Стас смахнул набежавшую слезу и предложил все-таки приступить к музицированию. Ира согласилась, и ребята с головой погрузились в уличное творчество. Блюз, «Агата Кристи», «Кино», «Алиса», «Анимация» и все по кругу. Настал поздний вечер, а они все играли, почти не останавливаясь. Лишь появление на горизонте каких-то хипстеров, вылезавших из нор

только за полночь, вернуло ребят на землю. Ира опустилась на корточки и высыпала с блюдца на горящую ладонь горсть мелочи:

– ...Пятьдесят, шестьдесят... блин, всего шестьдесят рублей... – Ира повернулась к Стасу. Тот, совершенно подавленный, стоял, облокотившись на стену. Оказалось, ему не удалось добыть и пятидесяти рублей. Девушка, недолго думая, взяла парня за руку и высыпала свои монетки ему в ладонь. Стас удивленно посмотрел на нее:

– А как же Елена?

– А как же дети? – в свою очередь спросила Ира.

Глаза Стаса наполнились слезами. Он с благодарностью посмотрел на девушку. И этот взгляд был красноречивее любого признания. Молодой человек осторожно обнял ее и прошептал:

– Спасибо...

Ира тихо выдохнула ему в плечо, старая «косуха» ответила горячим запахом кожи.

Девушка шла домой и думала. Думала обо всем: о Стасе, о детях, о Елене с Андрюшей, которые стали почти родными за эти часы. Она планировала в голове завтрашний день. Надо было обязательно сходить в приют, повидать Андрюшу. Перед этим неплохо бы заглянуть в магазин, надо же хотя бы чуть-чуть порадовать мальчика. Потом она поедет к Елене. А потом... Потом... Потом – суп с котом! Да, кстати, надо хоть сегодня не забыть его покормить. Иначе он очень обидится.

– Не лезь под колеса!!!

В своих мыслях Ира чуть сама не угодила под грузовик. Спасибо внимательному дядечке – подсказал, направил на путь истинный.

Ну вот и дом! Девушка поднялась на свой этаж, как-то машинально открыла дверь, зашла, скинула куртку. После еще нескольких действий повалилась на кровать и крепко заснула.

Глава 3

«Люди, люди, люди. Какие же вы разные. Одни ходят по крышам, другие живут в подвалах. Одни из последних сил спасают детей, другие их убивают. И все они живут под одним небом, ходят по одной земле. Всех она терпит. Подобно матери, пытается любить каждого. Но приходит день возмездия. И тогда страдают все. Несчастные заживо сгорают в котлах обезумевших вулканов, тонут в холодных объятиях рыданий горных лавин».

Так думал идущий по шипящей от дождя мостовой человек. Перед будто невидящим взором сверкали языки пламени. Он шел с пустыря, где дотла сжег собственный паспорт. Почему? В нем были ненавистные имя и фамилия.

Не сбавляя шага, поправил на ходу шляпу-цилиндр. Длинное пальто с воротом, кирзовые сапоги. С виду его можно было принять за Кощея в юности. Головной убор, одежда и рост – все стремилось вверх. Довершал образ черный зонт-тросточка, который при ударе об асфальт издавал звук, похожий на маракасы. В голове его испорченной пластинкой крутились злые слова: «Ты никто! Безродный подкидыш. И не нужен нам!». Сказанная тетей Анастасией много лет назад фраза стала концом всего. Его жизни, которую он отнял, просто вырвал из пасти у Дьявола. Что ж, теперь он точно никто. Без имени, без фамилии и без семьи.

Он был болен. Пять лет, проведенные в психушке на реабилитации после автомобильной аварии, отнявшей семью, принесли только страдания. Но диагноз «амнезия» оказался благом. Выяснилось, что в той катастрофе выжил только он. Врачам удалось восстановить функции тела и даже память, но воскресить его любимых они не могли. Осталась только тетя по материнской линии, и он даже вспомнил родственницу. Но сейчас, когда его выписали, понял, что лучше бы и не знал вовсе. Сестра его мамы и на порог его не пустила, швырнув в лицо паспорт. Слабо соображая, он вышел на улицу и несколько дней шатался дворами, не зная, куда податься. Его тянуло домой. Звонкоголосая ведьма-судьба будто от души смеялась над ним, злыми языками отказывая в ночлеге. Но однажды на ее лице мелькнула тень сочувствия. Дворник дома, в одном из подъездов которого он случайно заснул, предложил парню комнату в подвальном помещении.

– Конечно, не хоромы, но жить можно... – шутил он, включая электрический рубильник на стене, – всяко лучше, чем на улице. Молодой человек от души поблагодарил доброго старика и с того дня стал жить отдельно. От улицы. Вместе они вынесли весь хлам, а позже он тщательно исследовал подвал. Среди бытового мусора нашлась старая, немного отсыревшая гитара. Наверное, кто-то выбросил, а добрый дворник не смог пройти мимо инструмента. Там же валялись какие-то куски лески для удочки. Недолго думая, парень натянул их на гриф, и получилось что-то вроде струн. Он попытался дернуть одну, инструмент откликнулся, но качество звука было ужасным. Всю ночь он провел, изучая на практике тонкости настройки.

Гитара стала смыслом его жизни. Целыми днями он перебирал струны. Дворник, периодически заходивший покормить местных котов и нового постояльца, с удовольствием слушал его упражнения. А однажды предложил:

– Слушай, а может, тебе в метро спуститься? Там на этом можно денег заработать.

Было около семи часов утра, и после этих слов дворник удалился мести улицу – молодой человек остался один. «Спуститься в метро? – улыбка медленно проползла по его губам, – а почему бы и нет?».

Наперевес со своей возлюбленной (читайте «гитарой») он направился к подземке. На входе парень в нерешительности остановился: показалось ему или вон те господа в милицейской форме уж больно подозрительно на него смотрят? Наверное, догадываются, что у парня нет паспорта. Однако дежурные лишь кивнули, пропуская его внутрь: документы их

не интересовали, а музыкантов здесь они давно не трогают. Он распаковал гитару и осторожно дернул самую тонкую струну. Павильон наполнился кристальным звуком. Пальцы быстрее пробежали струнам – подземка откликнулась чуть слышным эхом. Она готова дать этому парню возможность звучать. Блюзовые импровизации на темы из классических произведений буквально взорвали гулкую тишину перехода.

Между тем к подземке подходили корифеи. Просторной походкой шла Ира, озадаченная жестким графиком сегодняшнего дня. С другой стороны спешил Стас. Двойняшки еще спали. Нужно было успеть вернуться к обеду, чтобы накормить их. С Ирой он встретился прямо у входа в метро, поэтому и в павильон ребята зашли вместе.

– Стас, слушай, – Ира неожиданно остановилась и прижала палец к губам. Из подземки лились чарующие звуки, отдаленно напоминающие Лунную Сонату. Молодой человек удивленно огляделся:

– Интересно, кто играет?

Свернув за угол, они оказались в знакомом закутке. Звуки гитары доносились именно отсюда. Рядом с темным псевдокошечком музицировал неизвестный человек в длинном пальто и шляпе. Таких замысловатых модуляций Ира еще не слышала. Особым шармом был окутан и сам голос инструмента. Раскрыв рот от изумления, ребята дослушали произведение до самого конца и еще минуту не могли проронить ни слова. Неловкую паузу прервал незнакомец:

– Привет. Какие-то проблемы?

– Здорово... – Стас внимательно разглядывал незнакомца и как бы невзначай заметил, – Классно играешь.

Он очень старался, пытаясь скрыть недовольство. И нет, это была не зависть и не ревность к месту. И не к засверкавшим глазам подруги, тем более. Под угрозой пистолета не смог бы он объяснить чувство, овладевшее им в тот момент.

– Ира, – девушка тем временем грациозно подала руку. Молодой человек осторожно пожал ее и отвел глаза. Стаса такое поведение парня напрягло еще больше. Он буквально был готов лопнуть от неизвестно чего. Нет-нет-нет, не было у него никаких любовных чувств к Ире. Просто взбесил этот чувак, да.

– Может, представишься хотя бы даме... – пробурчал он сквозь зубы. На что упомянутая девушка насмешливо сощурилась:

– Сам-то познакомься первым.

Стас нехотя протянул руку. По его виду было понятно, что он не в восторге от нового знакомства:

– Славик. Для друзей – Стас, хотя не знаю насчет дружбы...

Человек в шляпе спокойно пожал сильную жилистую руку. Бледная холодная кисть его при этом неестественно напряглась, и на ней выступили синие жилы:

– А меня никак не зовут.

Стас в бешенстве откинул поданную руку. Его терпение окончательно лопнуло:

– Слушай, парень, ты меня порядком задолбал своими пантами, – взорвался он – говори, кто ты? Иначе ща ментам сдадим! Нам чужие здесь не нужны!

– Нет-нет-нет, не надо милицию.

Ответ незнакомца и страх в голосе ошеломили Иру. Видимо, за ними стояла какая-то история. Но, в отличие от слегка взбалмошного Стаса, она просто переспросила:

– Хорошо-хорошо, успокойся. Как тебя зовут люди?

– Люди? Они меня никак не зовут. Я им не нужен.

Ира была поражена. Она тут же попросила рассказать историю его жизни. Молодой человек, несколько смутившись, не сразу согласился. Но, увидев в прекрасных Ириных глазах ответное смущение, решил ничего не скрывать.

Нужно сказать, что рассказ этого парня произвел сильное впечатление и на господина Вспыльчивость. Он оставил гитару, нервно порывшись в карманах, достал зажигалку и пачку старых, десять раз просушенных сигарет и нервно закурил. Больше всего Стаса тронуло отношение тетки к беде этого человека. Он размышлял: «Надо же. Ощувив на себе наплевательское отношение родителей, я надеялся, что у других людей жизнь менее сложная. Получается, что ошибался». Действительно. У каждого свои испытания в жизни. Понимая это, ты не станешь усложнять ее своим отношением к его недостаткам.

– Стас. Ста-ас, – Ира тормошила задумавшегося друга, – ты чего это? Давно уже не курил...

Стас вздрогнул, пепел с сигареты, подхваченный воздушным потоком, погиб, столкнувшись с асфальтом. Да, не курил. Он не хотел приходить к детям, насквозь пропахнув табаком, а о том, чтобы дымить при них не могло быть и речи. Молодой человек задумчиво огляделся по сторонам: серый бетон перехода недружелюбно морщился от промозглой слякоти.

Человек в шляпе, чувствуя неловкость ситуации, торопливо засобирался:

– Станислав, простите меня за вторжение. Я, наверное, пойду. Плохая была идея приходить сюда...

Стас похлопал его по плечу:

– Что ты, дружище! Не надо «Вы» и это... прости, что наехал. Как же нам поступить?

Парень явно был озадачен. Он уставился на стену и стучал ногой в такт барабанящим по полу каплям. Иру приятно удивила такая резкая перемена власти в его голове. Она стояла рядом и тихо наигрывала нечто блюзовое. Девушка понимала, что имени нового знакомого они не узнают, не драться же с ним, пытаясь выяснить это... Однако человеку нужно как-то называться, хотя бы для того, чтобы представиться при случае сотрудникам милиции. Все вместе они пытались придумать решение этой задачки. И тут Иру осенило:

– А что, если тебе взять псевдоним? Ты говорил, что о медицине мечтал. Может, мы будем звать тебя Доктором?

Молодой человек только пожал плечами:

– Но я же не стал им. Я вообще никем не стал. – Тут его угрюмое лицо просияло странноватой улыбкой. – А что, если не просто Доктор, а Доктор Никто. Это, по крайней мере, больше соответствует реальности.

Глава 4

Ярко-рыжее пятно под лампой, похожее на задиристого петуха, было первым, что увидел Андрюша, придя в себя. Он долго лежал на спине, разговаривая с этой кляксой. В голове гудело и хотелось пить. Мальчик сел на пружинящем матрасе: ему показалось, что петух с потолка закивал ему головой. Малыш задорно рассмеялся. На звук из-за дверей другой комнаты появилась женщина в белом халате.

– Вы кто? – по-взрослому равнодушно спросил мальчик.

Няня поставила стул около кровати. Теперь разглядывать ее стало удобнее. У нее были белые кудри до плеч и тонкие нарисованные брови:

– Меня зовут Василиса. Я твоя новая мама.

Мальчик недоверчиво заглянул в глаза. Все вокруг помутнело. Светлый детский взор заволокли слезы. Андрюша затрясся в рыданиях и опрокинулся на кровать. Что происходило дальше, растерявшаяся нянечка с раствором валерианы в пластиковом стаканчике рассказывала экстренно вызванным сотрудникам психиатрического отделения. А те усиленно делали вид, что слушают.

– Понимаете, – почти плакала она, – когда ему сказали, кто я, он весь так, знаете, побледнел. Потом потекли слезы. Он начал кататься по кровати и кричать, тыкал пальцем в потолок, звал какую-то Иру... Я крикнула медсестру, благо Аринушка рядом была. Вместе мы запеленали бедного ребенка, она дала ему успокоительное. Малыш заснул. Заведующая вызвала Вас. О, Господи! Что же теперь будет!..

Выслушав ее рассказ и произведя необходимые манипуляции, санитары уложили Андрюшу на носилки, привязали покрепче и уже хотели нести в машину. Неожиданно к ним, аки вихрь, подлетела дежурный воспитатель. Недвусмысленно выпучив глаза, она шепотом попросила:

– Вы уж постарайтесь, чтобы его подольше в дурке продержали... А то он у нас временник, за него государство не платит, расходы одни. – Женщина помедлила, – и нервы все вымотал: «как там мама», «как там мама»?!

Медик помоложе, похлопав по карману мокрой куртки, прозрачно намекнул на доплату. Воспитательница жестом дала понять, что об этом они могут не беспокоиться. Санитары тихо, как обычные врачи, исполняющие свой долг, отправились в путь, унося с собой обезволенного Андрюшку. Его рука, свисая к теплой влажной земле, колыхалась от плавного движения носилок. Мальчик будто прощался со всем, что видел на этом свете. Он махал бездушным воспитателям, доброй, ни о чем не подозревающей Ире, вере в жизнь и справедливость. Он летел к маме. Под крыло, где никто не найдет и не обидит. И было все равно, куда его несут.

Разумеется, ни врачи, ни сам Андрюша не могли слышать разговора, состоявшегося в медкабинете приюта. Дежурный воспитатель самодовольно опустилась на белый кожаный диванчик. Достав из белой тумбочки баночку с отваром ромашки, она пинцетом подцепила пропитанную им вату, положила на глаза и расслабленно проговорила куда-то в пустоту:

– Теперь мы долго не увидим этого ненормального.

Из детской показалось удивленное лицо Василисы. Белые кудри растрепались, нарисованные брови от услышанного переместились почти на сантиметр вверх. Она была не в курсе хитроумного плана своей начальницы. Более того, успела искренне полюбить странного мальчика с ужасной историей. Поэтому слова Анфисы Павловны ее буквально поразили. В случившемся женщина винила себя, ведь она и подумать не могла, что мальчик так эмоционально отреагирует.

– Но... но я же хотела просто утешить малыша. Он такой одинокий, беззащитный.

Начальница устало отмахнулась:

– Одинокий, беззащитный, добра желала... Правильно ты сделала, подруга, что сестру позвала. Нечего нахлебникам таким у нас делать, пусть ими вон, – она снова махнула костлявой рукой, – в «Маратке» занимаются...

Глава 5

Было около двух часов дня, когда Ира выскочила из подземки. Мелочь в ее карманах, звеня, предвещала гостинцы для Андрюши. Заглянув в местный магазин за шоколадкой, она отправилась в приют. Буквально за полчаса добралась до нужного места. Пустынно и тихо. «Наверное, дневной сон» – подумалось ей. Но в душе закопошилось сомнение. Казалось, что-то не так. Ира дернула на себя входную дверь, та с ужасным скрипом открылась. К ее удивлению, в холле тоже не было ни души. Она заглянула в приемную – тишина. Девушка настояжилась, что ж это за «Детский мир» (так назывался приют), если детей даже не слышно. Серыми коридорами шла она в надежде разыскать хоть одну живую душу. Временами натыкалась на какие-то железяки и спотыкалась о куски проволоки. Все это больше напоминало заброшенный склад или фабрику, но уж точно не детское учреждение. Спустя час таких вот скитаний в конце длинного коридора Ира увидела светящийся по бокам прямоугольник двери. Оттуда доносились веселые возгласы, аплодисменты, и она прислушалась, кажется, даже тосты.

Девушка подошла и громко постучала. На мгновение все стихло, кто-то смачно икнул и нечленораздельно произнес:

– Кого там черт, ийк... принес?

Сказать, что Ира была в шоке – не сказать ничего. В эту секунду она решила, во что бы то ни стало забрать отсюда Андрюшу. С законом она как-нибудь потом разберется.

Девушка зашла внутрь. Воздух, влажный от перегара. У открытых окон пелена сигаретного дыма. По полу тут и там были разбросаны пустые бутылки. Среди этого хаоса за столом сидели женщины в бело-синих халатах. Невооруженным глазом можно было заметить, что они явно не трезвые. Изумлению девушки не было предела. Она даже не сразу смогла слова подобрать для начала разговора. Эту непонятную заминку бодро прервала темноволосая женщина в очках с толстенными линзами:

– Вы что-то хотели? Если Вы по... (ик) ...поводу этого косого, пятая комната... (ийк, да чтоб тебя!) налево. Шестнадцатая койка с эта... справа.

– Не... нет. Я навещать мальчика, мне сказали, что он здесь.

Заведующая напряглась, собрала глаза к переносице и задумчиво изрекла:

– Навещать... **Так это** с бумажками надо. Секретаря в студию! Егор... ик... (да чтоб вас черти съели) ... Егор-на, это к тебе.

Женщина в сером костюме, более трезвая, чем ее начальница, вышла из комнаты, увлекая за собой Иру:

– Пойдемте, во всем сейчас разберемся. Простите, у нас тут маленький сабантуйчик.

Стараясь не удивляться, Ира пошла вслед за ней. Секретарь долго рылась в каких-то бумагах и, наконец, достала длиннющий список:

– Фамилия?

– Моя? – Ира подняла на нее непонимающий взгляд

Женщина нетерпеливо затрясла бумагами:

– Ребенка, ребенка фамилия мне нужна, не Ваша!

Она начинала заметно нервничать, но Ира спокойно дала Андрюшины данные, ведь мальчик без смущения назвал их ей. Далее последовала череда абсолютно ничего не значащих вопросов. Девушка терпеливо отвечала на каждый. Рыбий взгляд секретаря долго блуждал в списках.

– Таких у нас нет. Вы, вероятно, ошиблись, – наконец вынесла она вердикт. В следующий раз, юная леди, будьте внимательнее.

Тут у Иры лопнуло терпение. Недослушав воспитательных нотаций бумажной леди, она кинулась в уже знакомый кабинет и, сделав страшные глаза, заорала:

– Где мальчик?

Произведенный эффект был сродни немой сцене из гоголевского «Ревизора». Однако спектакль пора было заканчивать. Заведующая повернула голову в сторону поджавшей хвост подчиненной:

– Ей никто не сказал, что пацаненку стало плохо, и его перевели в больницу?

Иру словно окатили холодной водой. Стойкий мальчик, спортсмен, и вдруг плохо? Неужели и ему досталось во время аварии? «Хорошо. Если заболел, значит, действительно к врачу пошли, то есть повели». Она растерянно покинула комнату, не сразу сообразив, что нужно спросить адрес. Устало ощутив эту мысль, девушка вернулась:

– А номер больницы не подскажете?

Медсестра цинично цокнула языком:

– Сорок седьмая... наверное.

Получив конкретную информацию, Ира пулей вылетела из этого дурдома. Было ясно, что в организацию по указанному адресу просто так ее никто не пустит. Нужно было что-то придумать, поэтому девушка ломанулась в сторону подземки.

Глава 6

Влетев в павильон, Ира чуть не сбила с ног какого-то пожилого гражданина. Хвала небесам, что он не стал устраивать разборки по этому поводу. Поэтому, извинившись, девушка просто продолжила свой путь и застала ребят за разбором какого-то дуэта. Стас помогал Доктору разложить сложную партию. Увидев запыхавшуюся Иру, парни прекратили занятие, Стас оглядел девушку:

– Ты чего такая?

Рассказ о приюте получился кратким, но емким. Дослушав его, Доктор вдруг о чем-то задумался, а потом внимательно посмотрел на Иру:

– Какая, говоришь, больница? Сорок седьмая?

Девушка утвердительно мотнула головой. Видимо, ребята владеют неизвестной ей информацией. Она выжидающе наблюдала. Новый знакомый погрузился в молчание, а Стас, выдержав паузу, вполголоса произнес:

– Ир, это психиатрическая больница.

Девушке показалось, что земля уходит из-под ног. Затряслись коленки, в глазах появились непонятные круги. Она не устояла на ногах и упала бы на асфальт, если б Стас не подхватил ее. Доктор, отшвырнув гитару, кинул на пол свою куртку и помог другу уложить Иру. Стас аккуратно хлопал девушку по щекам. Наконец, в полубреду она все-таки открыла глаза:

– Надо что-то делать. Мы должны вытащить его оттуда...

Док, сидящий рядом, осторожно гладил ее по голове. Девушка попыталась встать, но ей не позволили:

– Полежи немного. Голова не кружится? Не тошнит?

– Нет. Все нормально. Ты один?

Доктор не ответил, посмотрев куда-то ей за спину:

– Ты была такая бледная. Мы все очень испугались за тебя.

Появление Стаса прервало беседу. Нужно было срочно уходить. Он точно не понял, что случилось, но снаружи было уж слишком много милиции. Однако, увидев состояние девушки, он понял, что достаточно просто покинуть переход. Любым способом. В сложившейся суете их не заметят. Ребята собрали инструменты и спокойно вышли с противоположного выхода. Солнце «а-ля шесть вечера» дружелюбно чмокнуло каждого в щечку. Ира кинула усталый взгляд в сторону горизонта:

– Нужно пойти туда и попробовать поговорить с врачами.

Стас насмешливо посмотрел на нее:

– Так они тебя и послушают. Думаю, тут что-то нечисто. Не должно быть такого в государственном учреждении. Нужно все тщательно продумать и для начала обратиться в милицию.

– Причем идти туда должна именно ты. Ты единственная, кто никак не скомпрометирован. – уточнил Доктор.

Но кем бы потом были ребята, если б позволили ей это сделать? Да сволочами, правильно. Поэтому уже через минуту все трое топтали асфальт в сторону участка. Они верили в правосудие. Верили, что серьезные взрослые помогут разобраться. Внутри не пошел только Доктор, сославшись на отсутствие документов. Но уже в коридоре надежда почему-то пошатнулась. Стало страшно. И только уверенный взгляд Стаса не дал отступить. В ужасе осознав, что готова пасануть, Ира встрепенулась и в одиночку зашла в кабинет. Стас хотел было последовать за ней, но дежурный схватил его за плечо и, глядя в глаза, покачал головой:

– Это ее война. Ты здесь только чтобы подстраховать.

Почему музыкант покорился этим словам и не послал, осталось загадкой. Но дежурному-то было откровенно пофиг. Он всего лишь следил за порядком. Однако ждать пришлось недолго. Спустя минут пять дверь в кабинет открылась:

– Девушка, я еще раз говорю: это не наша юрисдикция. Городской приют – государственное учреждение. Они работают с детьми, там не может быть тех нарушений, о которых Вы говорите.

С этими словами следователь вытолкал растерявшуюся Иру из кабинета. Стас не успел подхватить подругу, и она довольно неловко плюхнулась на скамейку, будто специально отброшенная.

– Что же нам делать, – пробормотала она.

– Если не хотите, чтобы вас самих привлекли за что-нибудь, лучше валите отсюда, – показался из справочной молодой человек в рубашке. Стас удивленно посмотрел на говорившего, но промолчал. Он не понимал, что происходит, и не мог бы объяснить это. Очевидно было одно: отсюда нужно уходить, иначе кто знает, чем это может кончиться. Ничего не говоря, он надел куртку, помог одеться подруге и вышел. Спустя минуты три вышла и Ира.

Поднявшийся ветер трепал волосы и душил сигаретным дымом. Стас нервно курил. Милицейский участок не самое подходящее место, но отходить куда-то не было моральных сил. Ребята смотрели, как в его руках одна за другой тают драгоценные сигареты. Нужно было срочно искать решение, но ничего адекватного в голову не приходило.

– Надо в прокуратуру писать, в администрацию города. Пусть проверку на приют нагонят, – задумчиво предложил Стас. На что Доктор только усмехнулся:

– Пока наша бумага в нужные руки попадет, неизвестно, что с мальчиком будет.

Тоже верно. Все понимали, что на все нужно время, а его у них не было. Но отдохнуть и подумать нужно в любом случае. Поэтому сейчас ребята решили разойтись. Решили идти вместе до Ириного дома, но Стаса ждали двойняшки. Поэтому парень лишь глазами проводил ребят по залитой кровавым солнцем мостовой. А сам отправился в противоположную сторону.

Тяжело было у него на душе, ох, тяжело... Были в этом сердце и маленькие брат с сестренкой, и Андрюша, и Ира, и еще много-много всего. На секунду Стас поразился размеру своего сердца.

Оказавшись в родных стенах, Ира дала волю чувствам, душившим ее все последнее время. Девушка ничком упала на кровать и разрыдалась. Ей стало нестерпимо жаль маленького Андрюшу. Неизвестность пугала ее. К тому же давно не было никаких известий о состоянии Елены. Девушка мысленно просила у нее прощения за то, что не настояла на том, чтобы мальчика оставили с ней, и молила дождаться операции. Любимый кот вскочил к Ире на кровать и ласково терся о ее плечи. Девушка обняла животное:

– Мурзик, зайнька...

Она бессмысленно проводила по наэлектризованной шерсти рукавами. Искорки статического электричества стреляли то тут, то там. Кот мужественно терпел, хотя вряд ли был рад такой процедуре.

Немного набравшись сил, Ира заставила себя встать с кровати и принять контрастный душ. После чего выпила чашку горячего чая с малиной и заснула впервые за это время в нормальной постели.

Глава 7

Утро принесло с собой не только новые события, но и проливной дождь. Подойдя к окну бани, Стас напряженно отодвинул сетчатую занавеску. Предательски скрипнул карниз. Парень машинально оглянулся на детей: они по-прежнему спали. «Нужно сходить за водой, – подумал он, – но ливень, кажется, против». Хотя он любил дождь, который сейчас особенно удачно отражал внутреннее состояние. Молодой человек был готов бороться со всем, что мешает его близким быть счастливыми, как буря, пытавшаяся сейчас помешать ему.

Захватив ведра, он вышел на крыльцо и полной грудью вдохнул пропитанный озоном воздух. Его тело до краев наполнилось жизненными силами. Скинув моментально намокшую футболку и тапки, он босиком помчался в сторону колонки. Красивое загорелое тело лоснилось от небесной влаги. Вода ручьями лилась по его волосам, по носу. Сейчас бы насладиться моментом, но вчерашняя тревога не отпускала. Они помогают Елене, но кто поможет им самим? Где найти поддержку? Наполнив оба ведра, парень отправился домой. Поставил ведра в предбаннике и открыл сумку с вещами. Каково же было его удивление, когда он понял, что вещи, которые были выстираны вчера, аккуратно разложены по стопочкам. Не веря своим глазам, он перепроверил и детские – там тоже был идеальный порядок.

– Доброе утро, Стасик! – прозвенел за его спиной родной голосочек.

Стас настороженно обернулся. В дверях, ведущих в бывшую мойку, стояла его чернобровая Маришка. «Вот она, моя поддержка и тыл» – подумал он. Внимание привлекла идеально чистая кофта и штаны девочки. Черные волосы аккуратно зачесаны назад. Стас знал, что его сестра – алмаз, но сегодня он впервые заметил в ней девичью красоту и загордился ею. Разгадав это, Маринка немного смутилась и исподлобья взглянула на брата:

– Может быть, поговорим о деле?

Такая серьезность очень рассмешила парня:

– Ну, давай, если хочешь.

Маришка напустила на себя самый суровый вид и деловито уселась на деревянную раскладушку.

– Итак, нам с Кириллом известно, что ваша банда спасает какую-то женщину, – кося под авторитетов из газет, начала она, – будете отнекиваться?

Стаса накрыло волной хохота. Давясь от смеха, он отрицательно мотнул головой. Оказывается, его маленькая Муська давно подросла и вон как грамотно говорит.

– Также мы знаем, что забота о нас отнимает у тебя ценнейшее время, которое вообще-то принадлежит этой женщине...

Умиление сменилось беспокойством. Стас внимательно посмотрел в огромные черные глаза:

– М-малышка, если вам не хватает моего внимания, я больше буду дома, с деньгами и едой что-нибудь придумаем...

Марина недовольно вскинула черные как смоль брови и покачала головой:

– То есть ты готов оставить друга наедине с бедой? – возмущенно проговорила она. – Посмеешь?

Стас совсем растерялся. Он не знал, куда деть глаза, он не был готов к такому разговору с младшей сестрой:

– Чего ты хочешь?

Девочка поправила волосы и приняла независимый вид:

– Я... вернее, мы хотим, чтобы отныне ты больше помогал своим друзьям, а работу по дому мы разделим на троих. Я же уже многое умею, да и Кирюха тоже...

Нифига себе нравоучения. Парень был потрясен. Такое предложение, конечно, было весьма кстати, но непонятное недовольство и обделенность все-таки просочились в душу. Его малышки подросли, и вот сейчас, когда в помощи нуждается абсолютно посторонний человек, они берут на себя ответственность за семью. Он растерялся и не знал, что сказать этой маленькой леди. Глаза, полные благодарности, справились с этой задачей лучше самых жарких слов. Марина все поняла и с усмешкой посмотрела на брата:

– И еще, если что-то надо тебе или твоим ребятам, обращайся.

В этот момент в парилке как раз закипел чайник. Девочка поправила волосы и ушла накрывать на стол. Сегодня на завтрак она приготовила сухарики из белого хлеба и травяной чай.

Стас в замешательстве остался сидеть на скамейке. Недосохшие волосы облепили лицо, штаны были сырые от дождя, и почему-то не было сил переодеться. Мокрый, незащищенный: таким он ощущал себя впервые. И именно сейчас накрыло еще одно совершенно новое чувство. Осознание того, что они пусть маленькая, но мощная опора друг для друга. Он подошел к Маришке и ласково обнял. Она повернулась к нему лицом и по-детски уткнулась носом. Простояв так минут пять, ребята все-таки разбудили Кирилла и прекрасно полакомились угощением нового дня.

Глава 8

Наконец дождь кончился, и Стас засобирился на заработки. Марина дала ему свежую футболку. Несмотря на то, что голова уже почти высохла, он несколько раз провел по ней бывшей махровой занавеской, электризуя волосы, как в детстве, и отправился в путь.

Когда молодой человек подходил к подземке, на небосводе уже всюду светило солнце. Если бы не трагедия, можно было бы радоваться жизни. Стрелки на часах точно так же показали бы чуть больше полудня. А в привычном месте его бы ждали друзья. Однако давно завербованное его компанией пространство перехода все еще пустовало. Парень задумчиво расчехлил свою красотку миссис Hohner и начал разминать пальцы один. Он старался делать это перед каждой игрой. В этот момент подошла и Ира.

«Привет-привет» утонули в звуках музыки. Оба хотели спросить друг друга о многом, но почему-то молчали. За это время произошло столько событий – хотелось просто погрузиться в игру и не думать ни о чем. Не сказать, чтобы ребятам было хорошо – давил груз одних и тех же проблем, жаждущих решения. Но уверенность в твердой руке друга придавала сил и не позволяла хандрить.

Поток людей сегодня был какой-то неактивный, сыграла ли роль утренняя непогода или что-то еще. Редкий прохожий, по ошибке будто забредающий в павильон метро, был слишком скуп или чрезмерно требователен к музыкантам. Неожиданно среди однообразной публики появилось знакомое лицо. Это лицо торчало из копны взлохмаченных рыжих, почему-то сырых волос. Обладателем его был давний друг Иры и Стаса Виктор Стрижов. Представлял собой классический вид питерского пэтэушника, принадлежал к молодежному панк-движению. В общем, являл собой живое воплощение всех мыслимых кошмаров консервативных преподавателей. Заметив ребят, он весело махнул рукой:

– Привет!

Стас искоса поглядел на него:

– Здорово! Ты чего такой мокрый?

Витек шикарным жестом поправил и без того львиную шевелюру:

– Пострадал в боях за справедливость.

Ира и Стас многозначительно переглянулись и, не сдержавшись, покатались со смеху.

– Вы чего? Она первая начала... – в очаровательном недоумении посмотрел на них Витя.

Новая волна безудержного веселья чуть не сбила парня с ног. Ира пришла в себя первой:

– Что случилось-то..., ох... рас... ха-ха-ха... скажи нормально, – заикаясь от смеха, попросила она.

Оказалось, что Великий и Ужасный Неформал по имени Витя заявился в свое строительное ПТУ с умопомрачительным ирокезом. Что произошло дальше, ребята слушали, по очереди катаясь от смеха по бетону перехода.

Виктор с очаровательным простодушием **поведал им, как** с такой вот причесочкой пришел он на лекцию по черчению. Реакция мастера Елены Аскольдовны, по выражению самого Вити, «редкой сте... кольщицы», была молниеносна. Она со скоростью бракованной петарды выставила великого и несчастного (по ее глубокому убеждению) молодого человека за дверь с горячим напутствием:

– Сейчас же приведи себя в порядок!

На что Витя вежливо поинтересовался горячей водой и мыльцем.

Никогда не подходите к бракованной пиротехнике: неизвестно куда рванет это оружие массового поражения!

Елена Аскольдовна быстрым шагом направилась к старому стеллажу, с легкостью пожилой лани спорхнула на стул, открыла скрипучие деревянные дверцы и извлекла оттуда матовый

кусок хозяйственного мыла. Спустилась и вручила его Виктору. Тот, еле сдерживая улыбку, театрально склонил голову:

– Сердечно благодарен.

– Пошел вон! – коротко ответила преподаша.

Витя отпускнутой походочкой отправился мыться.

– Ыых, а горячей воды все-таки пожалела, у! Сте... пендию бы... – ворчливо подвывал он на мотив цоевской «Восьмиклассницы».

Молодой человек закончил свой рассказ. Стас с Ирой от смеха долго не могли прийти в себя. Надо же так необдуманно влипнуть в историю. Когда они все-таки успокоились, на лицах нарисовался напряженный мыслительный процесс. Молодой панк осведомился о причине мозгового штурма, и Ира поделилась с ним общей головной болью.

– Да перестрелять их всех и забрать мальчика! Нечего ему там делать. Вон, Стасу с малявками чего хватить там пришлось, – громом разразился Витя на весь переход в ответ на рассказ, – или, может, тебе там понравилось, а? Понравилось?

Ребята немного опешили от такой бурной реакции. Стас от нечего делать выковырял камушек из мокрой стены и бросил в противоположную:

– Нет, – угрюмо ответил он, – не понравилось, поэтому мы и ушли.

Ира стряхнула с волос пыль, налетевшую из вентиляции. Она представила себе, как сейчас выглядит, и мысленно ужаснулась. Наверняка вся грязная, с перепачканным лицом, спутанными волосами. Кошмар, а ребята молчат. Ну да ладно. Значит, все не так плохо.

– Про «перестрелять» это ты, конечно, погорячился, – задумчиво проговорила девушка, – люди все-таки, да и у нас нет оружия, а еще в тюрьму что-то не очень хочется.

Ира понимала, что Витек прав, это был самый быстрый способ спасти ребенка, но ей хотелось найти какой-то другой. Голова работала на пределе своих возможностей. Пальцы нещадно терзали струны, выдавая бесконечные, часто бессмысленные пассажи. В то же время ее сильно беспокоило отсутствие Дока. Она всматривалась во влажную тусклость павильона. Где он? Может, он специально решил познакомиться с ними, чтоб информацию выведать? А если нет, то элементарно мог попасть в беду, в его положении это было сносшибательно просто. Витька нетерпеливо скакал вокруг ребят. Ему, видимо, хотелось разом выложить все новости, накопившиеся за эти пару дней. Он хотел было вновь заговорить, но Ира, буквально сверкнув глазами, его остановила:

– Послушай, нам сейчас не до рассказов, нужно подумать, как спасти Андрюшу и помочь Елене.

Паренек недовольно притих, отойдя в сторону. Но спустя минут пять произнес:

– У меня есть решение этих задач. Только участвовать в этом нужно всем нашим.

Ира и Стас внимательно посмотрели на Виктора. Интересно, что имеет в виду этот непокорный. «Всех наших» насчитывалось всего человека четыре, ну, вместе с Доктором теперь пять. К тому же один из них – Алик Капрал, в данный момент находился под арестом.

– Кстати, неплохо бы навеститься к Капралу. Навестить, да и вообще... – будто прочитал Ирины мысли Стас.

В этот самый момент в «закуток» зашел Доктор. Ира от избытка чувств кинулась к нему и горячо обняла. Так волновалась она за этого человека. Стас удивленно поднял брови, но промолчал. Лишь укоризненно посмотрел на нее, вцепившуюся в плащ друга. Великий Неформал с достоинством подошел к незнакомому, но явно хорошему человеку и протянул руку:

– Виктор. А Вас-с?

Док спокойно пожал ее:

– Доктор Никто.

Витя обескураженно посмотрел на парня... Интересно, откуда такое странное прозвище? Как на самом деле зовут этого высокого человека? Действительно ли он доктор? Вопросы в его

голове множились со скоростью вирусов в период гриппа. Но думать над ними, а тем более задавать их, не было времени. Ребята быстро ввели Дока в курс дела и все вместе отправились в городскую тюрьму.

Глава 9

Умытое проливным дождем солнце еще усерднее освещало тюремный забор. Дождевые капли, зацепившись за колючую проволоку, делали его каким-то праздничным. Кажется, это было только снаружи, но звезда не выбирает и светит одинаково всем. Заточенным она дарит светлую надежду на скорое освобождение.

Альберт Капрал полулежал на своей койке. Сегодня был редкий день, когда ему разрешили не работать после обеда. За хорошее поведение ли или за успехи в труде, пока было неясно, но это все равно был отдых. Поэтому, доев картофельное пюре, парень мог позволить себе немного почитать. Несмотря на свой статус, библиотека здесь была приличная. Довольно часто привозили новые книги, в числе которых преобладала классика. Конечно, любителям бульварной литературы она могла показаться скучной, но Алик был не из таких. Он обожал Пушкина, Гоголя, Гете. Большинство книг он читал по многу раз и помнил наизусть. Поэтому не упускал возможности в разрешенные часы сходить в библиотеку. Сейчас у него в руках был Достоевский. Парень внимательно вникал в каждое слово, упивался изгибами каждой буквы, произносил вслух. Он очень боялся утратить здесь человеческие качества. Это было проще всего.

Год назад, тоже осенью, он гулял со своей любимой под старинными дубами Измайловского сада. Была прекрасная погода, не в пример нынешней. Пели птицы, воздух поражал своей холодной прозрачностью, такой, что можно было купаться, не боясь, впрочем, утонуть. Его Вика была рядом, он не мог желать большего. Тайна окутывала весь ее образ. Девушка никогда не говорила, кто она, но с потрясающей наивностью слушала Капрала. А парень был просто влюблен. Готовый кинуть к ее ногам весь мир, дарил цветы, пел ей песни, читал стихи. Она смеялась – он слышал звон серебряных колокольчиков и наслаждался им. Он рассказывал о невиданных странах и городах с чудесными названиями – она с детским простодушием слушала. А он пытался простить и поверить ей снова, ведь причина сомневаться в ее искренности была.

Двумя неделями ранее Алик, как всегда, под вечер шел из подземки. Путь его почему-то лежал через старый стриптиз-клуб. Обычно он не ходил здесь, но сегодня, видимо, день был особенный. Капрал поморщился и прибавил шаг: не нравилось ему это место. Деревьев тут почти не было, лишь обтертые спинами серые стены. Внезапно его внимание привлек знакомый женский силуэт, приближающийся к дверям заведения.

– Вика! – окликнул он, надеясь, что ошибся, – Что ты здесь делаешь?

Но фигура обернулась, доказав обратное. Смущенно улыбнувшись, девушка пожала плечами:

– Работаю, как и все...

Земля ушла из-под ног. Алик, пытаясь осознать услышанное, застыл в ступоре, а когда пришел в себя, принялся уговаривать бросить это занятие. Но Вика в ответ только грустно улыбнулась:

– Каждый зарабатывает, как может. Ты вот учился на музыканта, и что теперь? Не сможешь дать мне то, чего я хочу.

– Любимая, я постараюсь... – Алик был готов пообещать все что угодно, лишь бы его любовь больше не порочила себя.

Так начался путь искупления. Он стал больше внимания уделять ей, нашел подработку грузчиком в музыкальном училище, куда собирался поступать, а она пообещала устроиться на нормальную работу. Проходили дни. Парень верил, что девушка исправляется, вот только... Алик всхлипнул, пытаясь заглушить навязчивый голос памяти, но она не собиралась умолкнуть. Словно наяву его перенесло в тот злополучный день с прозрачным воздухом, дубами и прогул-

кой. Тогда идиллию нарушил какой-то пьяный оборванец. Он диким зверем наскочил на молодых людей сзади:

– Друзья...

Вика буквально отпрыгнула в сторону, прикрыв прохладной ладонью нос, ибо запах, источаемый пришельцем, был реально невыносимым. НЛО в ботинках дружески повис на Альберте:

– Бзавбзх... – представился гуманоид, ибо человеком он быть перестал уже, наверное, после бутылочки четвертой. Алик попытался отпихнуть внезапного гостя, но тот намертво прилип к нему.

– Тебе че надо? – раздраженно спросил парень.

Чело..., хотя... ладно, чего уж там, человек похлопал его по плечу и одарил глубочайшего неадекватна улыбкой:

– Монеткой угостите... на продовольствие крестьянам? Или как Ленин, только землю предложите?

Алик в тихом бешенстве порылся в карманах и сунул пятак в руки оборванцу:

– На, на. Подавись, скотина...

Алкаш схватил монетку, радостно сунул ее за пазуху и, широко размахнувшись, ... обнял уже отвернувшегося парня. Молодой человек на тротуар чуть не свалился от неожиданности. Он-то думал, что уже отвязался от непрошеного знакомства. Будучи прижатым к вонючей куртке, Алик буквально выдавил:

– Ну что еще?!!

Пьянчуга бросил на него загадочный взгляд и показал только-только откупоренную бутылку. Он довольно твердо стоял на ногах и обладал не дюжей силой:

– Выпьем за знак... омство?

Алик даже опешил. Он мельком взглянул на Вику – девушка стояла и нервно кусала губы, глядя куда-то в сторону. Складывалось впечатление, что происходящее ее мало волновало. Вика могла позвать на помощь, закричать, уйти, в конце концов, но она просто стояла и ничего не делала, ни-че-го.

– А эт зазноба твоя чтоль? – проямлил оборванец.

– Угу, и ты немного это... мешаешь, – твердо ответил молодой человек, – люблю ее больше жизни.

Алкаш возвел глаза к небу:

– Да, ничего штучка. Хотя все они парней на постель разводят, а твою я уже с пятерыми лично видел. То есть ты, получается, сутенер ее.

Сказав это, он протянул руку и шлепнул девушку ниже спины, Алика же пришлось выпустить из горячих объятий. Вика взвизгнула и отпрыгнула так, будто ей понравилось. Молодой человек просто озверел от его наглости. Он резко размахнулся и ударил мужика в район виска, но промахнулся. Алкоголик лишь пошатнулся и обратил на него ослиный взгляд:

– Ты че, друг, драться?

Алик был вне себя:

– Какой я тебе, к черту, друг? Немедленно извинись перед девушкой! – потребовал парень так, что у алкаша, наверно, все перепонки полопались... или не полопались. Но из левого уха его однозначно что-то вывалилось.

Проходимец наклонился, чтобы поднять это «что-то», но не удержался на ногах и схватился за первое, что попало под его пьяную руку, а это как-то некстати оказалась Викина атласная юбка. Алым знаменем взметнулась она в синее небо. Не выдержав натиска сильной руки, мини треснула по швам и превратилась в нечто бесформенное. Вика оглушительно завизжала, а алкоголик озадаченно уставился на куски красной материи у себя в руках.

– Пардон-н-н, на стриптиз у меня денег нету.

Алик озверел не на шутку. Он бросился на только поднявшегося нетрезвого гражданина и с одного удара своего мощного кулака уложил этого, кхм, человека «баиньки». Затем поднял бывшую юбку и прикрыл Вику:

– Вот урод... На, обернись хотя бы.

Тут он с удивлением заметил, что девушка, выпустив из рук полотенце, достала телефон и начала куда-то звонить. Парень аккуратно взял ее за локоть и попытался притянуть к себе:

– Ну перестань... Все же уже хорошо. Мы сейчас уйдем и ты...

Он не договорил, потому что Вика перебила его, говоря в изящный корпус Sony Ericsson:

– Алло, милиция? В Измайловском парке избили человека. Не знаю. Нет. Он рядом и мне очень страшно...

Алик просто офигел от такой подлости. Он, значит, в который раз уже прощает этой стерве ее деятельность, заступается за нее. А она за это ментам его сдать решила? Ну что ж, ладно. В отличие от Вики, он, по крайней мере, настоящий. Он не притворяется и будет джентльменом, сохранив себя до конца.

Алик улыбнулся. Воспоминания о тех мыслях были самым приятным из всей этой истории. Чувство собственного достоинства, вот что он не боялся утратить здесь, ибо твердо верил в правильность своих принципов.

Он перевернул страницу, но не смог читать дальше, так как его снова накрыли мысли о прошлом. Он вспомнил, как удивительно быстро приехали достопочтенные стражи порядка. Как, умело выскочив из трех машин, они быстренько уложили его морд..., простите, лицом на капот одной из них. Немыслимо вывернув шею и рискуя быть сейчас же пристреленным, он прищуренным глазом взглянул в сторону девушки. Ее оцепили пятеро в форме с ПЛК¹ наголо. Эти ПЛК, разумеется, были направлены в его сторону. Еще трое или четверо (парень не мог рассмотреть хорошенько) приводили в чувство несчастного «пострадавшего». Он уже подавал весьма явные признаки жизни и имел серьезные намерения «сотрудничать со следствием». Дамочка в изящном милицейском кителе и синей юбке невозмутимо задавала вопросы и записывала каждое «ох» этого чудика. Дальше на него надели наручники, посадили в машину и с целой гирляндой мигалок повезли в Управление Внутренних Дел. Там со слов плачущей навзрыд Вики (Оскарром бы ей дать за это) сшили гениальное обвинение. Потом был суд. Хотели на Капрала повесить еще и статью за домогательство, да в бухгалтерии бумага закончилась. Решили ограничиться десятью годами за тяжкие телесные.

Вот и сидит он теперь в городской тюрьме. Родители его, узнав, что «он кого-то там убил», не захотели больше знать своего сына. Вика, придя к нему единожды на второй день после описанных событий, сказала, что не сердится, но желает остаться свободной. И ушла, махнув на прощанье алой юбкой. Только друзья-музыканты навещали.

Ребята стали приходить к нему, как только узнали о случившемся. Буквально через пару дней после суда. Как могли, поддерживали товарища, приносили ему вкусняшки и книги, отвлекали разговорами. Особенно старался Витя:

– Ты знаешь, – постарался как-то раз утешить он Капрала, – после такого Вика твоя – просто дрянь.

Молодой человек стряхнул пепел с дымящегося кончика сигареты и снисходительно посмотрел на рыжего панка:

– Наверное, ты прав. Но она прежде всего девушка и заслуживает того, чтобы ее уважали. Это была позиция! Юный рокер на всю жизнь запомнил этот урок.

¹ ПЛК – Пистолет Лебедева Компактный

Глава 10

Ребята дружной толпой подходили к высокому забору тюрьмы. В руках у каждого было по целому пакету гостинцев. Стас нес сухие яблоки, всю «Войну и мир», несколько пачек сухого молока, мясные консервы, овсяное печенье, пряники и сигареты. Ира – вареные овощи, шоколад «Аленка» и «Собрание мировой классики», а также тетради, набор ручек и карандаш. Док захватил какие-то гигиенические принадлежности, что-то из одежды и апельсины. А Витя, как самый юный, тащил гостинцы от своей мамы. Та была в восторге от друга своего сына, а когда узнала о случившемся, чем могла старалась помочь, хотя они с Витьком сами были не всегда сыты. Сегодня она наготовила домашних котлет, за версту отдающих хлебным мякишем, и сделала вкуснейший лимонад, который обожала вся компания ее сына. Также Витя нес совершенно секретный гвоздь из рамы ПТУшного окна. Музыкальные инструменты, чтоб не мешались, ребята отнесли к Доку в подвал.

Мимо друзей с грохотом барабанной установки пролетело несколько грузовиков. Ира в задумчивости остановилась, парни, по инерции пройдя еще пару шагов, чуть не сбили ее с ног. Девушка ищущим взглядом метнулась по ближайшим закоулкам. Неожиданно ее глаза буквально загорелись от найденного решения. Не говоря ни слова, она свернула за угол. Ребята проследовали за ней. Вскоре они оказались в прекрасно защищенном от посторонних глаз закутке. С одной стороны было здание городского суда, с другой – высокий тюремный забор, а с третьей совсем вплотную стояла заброшенная городская поликлиника. Идеальное место для конспирации.

Все происходящее далее больше напоминало хирургическую операцию, чем подготовку к посещению друга. Ира, на всякий случай, оглядевшись по сторонам, достала из своего пакета «Аленку», записку Капралу и протянула руку в сторону Виктора. Тот тихо опустил на пол свой пакет и, осторожно порывшись, достал со дна легендарный гвоздь. Ира осторожно вскрыла обертку и отдала шоколадку и полученный от Витька инструмент Доку (у него был самый нормальный почерк). Доктор принялся наносить гравировку на гладкую сторону сладости. Эта деятельность вызывала бешеный аппетит у всех участников процесса, но они, мужественно глотая слюну, продолжали работу.

Когда послание было готово, Стас принял новоиспеченный носитель информации в фольговое одеяльце. Витя к тому времени уже откупорил бутылку с лимонадом. А Ира, порывшись в карманах, достала чистый бумажный платок, смочила его ароматным напитком и провела по губам:

– Сладкий, то, что надо.

Снова смочив его, она провела по краю шоколадной упаковки, совместила края и прижала пальцем. Бумага чудесно склеилась. Мама Витька не подвела и в этот раз, сделав сладкое насыщенное питье.

– Вот теперь все готово.

С этими словами девушка спрятала шоколадку в пакет и завязала его на узел.

Ребята вышли из своего укрытия и отправились к месту нахождения товарища. Ветер трепал их длинные волосы. Стук сердец долбил по ушам не хуже бобины. Было из-за чего волноваться. Но друзья решили идти до конца и помочь Ире в ее благородном деле.

После досмотра при входе на территорию молодые люди заметно повеселели от предстоящей встречи с другом. И правда, в какой-то степени эта радость была напускной и несла успокоительную миссию, но в большей мере каждый из них был искренен. Они кривили душой, пожалуй, лишь убеждая суровых конвоиров в том, что трое парней – родные братья, а Ира – несчастная невеста заключенного. Ребятам каждый раз пускали, даже документы не спрашивали, что странно. Ну, видать хорошие актеры. А тут внезапно целый допрос устроили.

На территории этого «пансионата» была своя атмосфера. Немецкие овчарки на ремнях дежурных глядели так сурово, будто охраняли границы от вражеских налетчиков. Собаки были готовы вцепиться в каждого, кто нарушит строжайший порядок. Понятно, именно это и обеспечивало то неестественное спокойствие, царившее здесь. Те заключенные, кому было разрешено гулять, в основном тихо стояли и смотрели на солнце и голубое небо. Наверное, они мечтали, что дорогие им люди по ту сторону высокого забора тоже смотрят на него и ждут встречи.

На КПП ребят встретила выкрашенная в манекен женщина в теле. Раньше они ее здесь не видели. Это могло осложнить ситуацию. Так как документы на так называемую «рассрочку» посещений товарища были подписаны явно кем-то другим.

– Драссе, куда это вы такой толпой? – грозно спросила она, закрыв собой вход.

Идти напролом было бесполезно, поэтому Стас решил выступить в роли дипломата:

– Добрый день. Мы на свидание к заключенному. Вот наши пропуска и выписки об отсутствии запрещенных вещей, – он всучил тетке бумаги с синими печатями, подписанные на входе.

Женщина невероятно нахмурилась, превратившись в одну сплошную морщину, долго что-то высматривала, даже на солнце глядела сквозь листки и, наконец, изрекла:

– Да, все в порядке. Но как хотите, всех я вас пропустить не могу. Пусть идет кто-то один. Таковы правила!

Ребята заметно приуныли, но находчивый Стас и тут выровнял ситуацию. Отвернувшись от принципиальной вахтерши, он выкатил глаза на Иру:

– Ну что ж, ладно. Ты все-таки невеста. Иди.

Ира не поверила своим ушам. Какая, к черту, невеста? Она вопросительно поглядела на парня, собираясь что-то сказать, но тот только кивнул, глаза умоляли довериться ему. Девушка, считав это, тихонько пожала руку Стаса и подошла к вахтерше:

– Я пойду.

Та скептически ее оглядела и принялась ощупывать старым металлоискателем. Пройдя необходимую процедуру досмотра, Ира оказалась в лабиринте мрачных тюремных коридоров.

– Ждите, я провожу Вас, – тетка загремела связкой ключей.

Ира терпеливо ждала. Ей было чем занять голову в эти минуты. Она напряженно придумывала, как же сказать Капралу о цели их визита. Как известно, такие заведения просто напичканы скрытыми камерами. Это очень осложняло Ирину задачу. К тому же девушке необходимо было понять, почему Стас настоял на том, чтобы шла именно она. Чтобы в случае чего надавить на жалость? Вряд ли. Они знают Капрала много лет – он свой парень. Или всего лишь ради легенды? Тоже не вариант. И тут она догадалась.

Когда-то давно они вместе с Аликом изучали язык глухонемых. Для общего, так сказать, развития. Скорее всего, именно это подтолкнуло Стаса принять такое решение. Он был прав. В таком случае они почти ничем не рисковали. На основе этой догадки в голове у девушки моментально созрел план.

Наконец в дверях появилась неповоротливая вахтерша. За ней следом шли двое бравых конвойных. По существующим правилам им нужно было еще раз тщательно обыскать пришедшего. Девушка спокойно сняла «косуху», подняв распущенные волосы, продемонстрировала отсутствие серег и наушников. Удивительно, но никаких препятствий для встречи у нее не нашли. Вахтерша внимательно смерила Иру взглядом и, наконец, одобрила:

– Пойдемте.

Глава 11

Ира в сопровождении тюремщицы погрузилась в лабиринт тюремных коридоров. Обшарпанные темно-зеленые стены жутко давили на психику. словно под гипнозом девушка следовала за своей проводницей. Они бесконечно сворачивали в какие-то коридоры с железными дверями, выкрашенными в ядерно-белый цвет. Это были комнаты администрации. Свернув в очередной закуток, девушка и вахтерша поднялись по жутко заплыванной зеленой лестнице и оказались в длинном проходе. В отличие от предыдущих, здесь двери были темно-серые, с маленькими окошечками типа форточек. Около одной из них вахтерша остановилась. Слегка приоткрыв засов, она рявкнула внутрь:

– Заключенный Капралов, к тебе посетитель. Только ты ...это... за базаром следи. Девушка вроде приличная, – и, обратившись к Ире, сочувственно добавила, – бедная, намучалась с ним, непутевым. Такой молодой жить бы еще... Ведь из-за другой сел-то...

Ира вздохнула, но уверила женщину, что Капрал сделал ей предложение, будучи уже здесь. Тюремщица только пожала плечами: наверное, по-женски она сочувствовала Ире, вернее, ее легенде. Девушка же очень удивилась тому, что ее не проводили в специальную комнату для свиданий, а оставили прямо тут. Но зазвенели ключи, и вскоре все вопросы отпали. Ее взгляду открылась одиночная камера с бронированным стеклом посередине. Возможно, в основной части тюрьмы ремонт и... Иначе как объяснить такие перемены во внутреннем порядке? Слух уловил грубый голос вахтерши:

– У вас на все про все три часа. Если че – ори. Здесь все замечательно прослушивается.

Хлопнула дверь, зазвенели ключи. Теперь Ира с Капралом остались одни в этом мрачном, безобразно подлом месте. Мозг у девушки просто кипел от происходящего. Молодой человек устало встал со своей кровати и подошел к стеклу:

– Я рад, что ты пришла. Так скучаю по вам...

У Иры свело скулы и защипало в носу. Что творилось сейчас в ее душе, нельзя было выразить словами. Как сказать другу, который как воздуха ждет встречи, что пришла с корыстной просьбой? С просьбой, которая может разрушить его жизнь окончательно. Еле-еле совладал с эмоциями, она положила руку на безразлично холодное стекло и с надрывом произнесла:

– Нам всем тоже очень тебя не хватает. Но сейчас я... я пришла не за этим, – в ее глазах окаменело глубочайшее выражение скорби, – нам нужна твоя помощь.

Толстокожее стекло с Ириной стороны моментально запотело. Она протерла его рукавом кофты. Девушка взяла секундную паузу, а потом перешла на язык жестов:

«Я буду говорить от лица твоей любимой, но ты смотри на руки. Они изложат суть дела».

Парень утвердительно кивнул. Раз обратились к нему, значит, что-то действительно серьезное. Он приготовился играть в навязанный им маскарад. Не сказать, что ему нравился весь этот цирк с любовью. Он вообще не привык шутить с чувствами. Ведь они могли случайно взять и возникнуть. А посягать на свободу этой девушки за стеклом было бы нечестно. Ведь любовь, подобно пожару, может распространиться от одной неосторожно кинутой спички и приобрести характер стихийного бедствия. Однако выбора у них не было. Легенде нужно было соответствовать.

Влюбленными глазами Капрал смотрел на девушку, причиняя незаслуженные страдания себе и ей. Их синева приглашала утонуть в его объятиях, но то был лишь обман. Из морской пучины лучилось лишь желание помочь. Он говорил ей, как ждет того дня, когда сможет обнять ее. Ира слушала все это с неподдельными слезами на глазах. Прислонившись к стеклу, она шептала неправдивые, но искренние слова любви:

– Невыносимо даже думать о том, что ты сидишь здесь, как в аквариуме. Угасеешь не по годам. За что такие испытания на твою бедную голову?! Закрыли, будто сразу какую-то. Почему? Почему? Почему?

Эти причитания прекрасно слышала дирекция тюрьмы. Но совесть девушки была чиста – ведь это была правда. А ее тем временем тихо говорили:

«Мальчик совсем маленький. Его нужно вытащить. Его ни за что закрыли. Там везде решетки. Поэтому нам нужна твоя помощь. Необходимо вытащить ребенка. У тебя наверняка есть здесь какие-то связи. Помоги, прошу, умоляю!»

Этот разговор на двух языках измотал обоих. Парень подал знак, что понял слова Иры, но лицо его оставалось тупо-безразличным. Девушка от бессилия упала на колени. Возможно, музыканты ошиблись, и Капрал уже не тот, что был раньше. И так не особо яркая лампочка на обветшалом потолке совсем померкла, сыграв в унисон переживаниям девушки. Ее одолевали ужасные предположения. «Почему он так спокоен? – внутренне терзалась она. – Неужели от несправедливости чуткое храброе сердце не выдержало и покрылось ледяной коркой равнодушия?»

Внезапно в душе будто что-то оборвалось. Из глаз полились слезы, бледные холодные руки бессознательно затряслись. Капрал, испугавшись, выпучил глаза и усиленно замахал руками. Его жесты, не мимика, подняли девушку с колен. Он ненадолго задумался. Потом уверенно кивнул. Он поможет. Он знает, что делать.

Час пролетел незаметно. Ребята, теперь уже вслух, говорили обо всем, что происходило с ними. Они были счастливы видеть друг друга. Ира, как могла, пыталась запомнить состояние и слова друга, чтобы передать и находящимся снаружи друзьям, а Капрал впитывал ее внимание и просто смотрел, чтобы не забыть образ.

Глава 12

Тем временем ребята стояли у тюремных ворот. С неба, как из лейки, нещадно поливало. Тучи, ушедшие было утром, вернулись. Задувал страшных сил ветер. Природа будто испытывала музыкантов. Ее поведение прекрасно описали бы строки из старинной сказки: «Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?».

«Красны девицы» промокли до нитки и промерзли до мозга костей. Хм, интересно, а где он находится, этот мозг костей? Ну да ладно. Последними словами трое пацанов вспоминали городские власти, не подумавшие сделать какой-нибудь навесик тут неподалеку. Больше всех погодой был недоволен юный панк. Его шикарная рыжая шевелюра потеряла былой шарм и сделала из Вити эдакого Джигурду из проруби. По выражению лица так точно сходство было невероятное. Злющий, в тихой ярости, он старательно выковыривал своими убитыми берцами камушки на краю дороги:

– Вот где ее черти носят?! Не могли что-то другое придумать? Нет, блин, обязательно надо всем переться. Так ладно бы с другом увиделись, но ведь приходится здесь торчать, еще и дождь, как назло, зарядил...

Стас какое-то время терпеливо выслушивал его нытье, но вскоре нервы не выдержали лошадиной тяги:

– Слушай, заткнись! Сколько нужно, столько и будем здесь стоять. И никуда, ты понял, – он сверкнул глазами, – никуда без Иришки не уйдем! Даже если до завтра ждать придется. И ты останешься здесь. Точка! Мы ее не бросим!!! Зафиксировал?

От такого мощного напора бедный Витя просто опешил. Спрятав голову в плечи, он вылутился на старшего товарища. Стас осознал, что впервые в жизни был в таком гневе. Да, музыканты равны между собой. Это был один из принципов их команды. Он помнил его. Однако, когда нужно, каждый из ребят мог показать зубы. А его белоснежный оскал внушал уважение еще и благодаря запредельному жизненному опыту. Вконец растерявшийся Витя в поисках моральной поддержки оглянулся на Доктора:

– Ну а ты чего молчишь? Или тебе приятно тут мокнуть?

Док спокойно пропустил мимо ушей эти, вообще-то, риторические вопросы. Пронзаемый острыми струнами ливня, он сосредоточенно о чем-то думал. Выражение его лица говорило, что все происходящее ему совсем не нравится. Он откровенно не понимал, зачем они сюда пришли, кто такой этот Капрал и как он может им помочь? Наверно, поэтому и молчал. Потому что в глубине души разделял недовольство Виктора, но был согласен и со Стасом: Иру здесь, а тем более мальчика в психушке бросать было нельзя.

– Свидание окончено! – в тюремную «форточку» просунулся длинный нос надзирательницы. Ира от неожиданности слишком резко повернула голову. Перед глазами все поплыло, а недовольно-восторженный голос тюремщицы произнес:

– Только умирать тут не надо. Для этого есть другие места.

Капрал в бешенстве ударил кулаком по стеклу:

– Вы не видите, девушке плохо? Дайте воды.

Ира открыла глаза:

– Нет-нет, все нормально.

Ей не хотелось драконить эту сварливую тетку. Это была минутная слабость, и чувствовала она себя лучше. Однако процесс запустился. Ракету было не остановить. Сметая на своем пути все несуществующие преграды, драконша ринулась в бой, поражая Алика, Иру и окрестности какофонией собственного голоса:

– Заключение Капралов! Отошел от стекла и лег на кровать! Иначе конвой крикну. Ты должен молчать, пока не спросят! А ты, – она переключилась на девушку, – невеста из белого теста, давай чеши отсюда, свидание окончено, русским языком тебе сказала!

Тюремщица хотела уже насильно выпихнуть Иру из камеры, но та, спокойно отстранившись, кинула прощальный взгляд в сторону кровати Капрала и вышла самостоятельно, задержавшись в омерзительно вонючем коридоре лишь на секунду. По пути на улицу ее продолжали мучить сомнения. Хотелось что-то сказать. Но она не могла понять что. Казалось, что Капрал в ужасной опасности, и виной тому она.

С тяжелым сердцем Ира вышла на улицу. Парни подскочили к ней и накинули на голову капюшон – девушка даже не заметила проливного дождя. Видок у нее был, конечно, не очень. Взгляд блуждал где-то далеко, сама она была бледная, как поганка. Что произошло при встрече с Капралом, они не знали, а спрашивать не стали, потому что было ясно, что что-то не очень хорошее. Играть в таком виде было нельзя. Поэтому ребята решили ненадолго забить на подземку и отправиться к Стасу немного подсохнуть и отдохнуть.

Глава 13

Баня на окраине города дружелюбно пыхала клубами дыма. Она снова жила так, что была счастлива. Внутри душевно пахло горящими дровами и сухариками. Уют и тепло, созданные заботливыми руками Марины и Кирилла, мягким одеялом окутали замерших и уставших музыкантов. Аккуратно причесанная юная хозяйка хлопотала в бывшей парной, готовя ободряющий перекус. Оттуда доносились одурманивающие ароматы лесных трав и тихое ворчание сковороды.

Ребята сидели на импровизированных кроватях. От резкой смены температур немного потряхивало. Они скинули с себя все, что позволяло приличие, и пытались согреться. Виктор, утомленный ожиданием и собственными нервами, тихо дремал на плече Доктора, Стас ослабленно блуждал глазами по собственным строительным недоделкам, а Ира, сотрясаясь всем телом, тупо смотрела вперед. Тишину нарушил приятный баритон юного хозяина их пристанища:

– Нам нужно оружие, хотя бы какое-нибудь, – оглядел он задумавшихся ребят.

Эта мысль гостила в голове каждого из сидящих здесь. Ира подняла на него уставшие печальные глаза:

– Капрал обещал пом...

Ее совершенно неожиданно перебил Доктор:

– Не доверяю я этому вашему Капралу! Где гарантия, что он не завалит все дело? Где гарантия, что он вообще придет? Что не сдаст нас, кто заверит?

Резкий стук в дверь заставил его замолчать. Стас машинально прижался к ближайшей стене, жестом приказал Кириллу взять сестру и запереться в кладовой. Мальчик молча повиновался. Музыканты облепили деревянные, пахнущие свежей смолой стены. Стас прижал палец к губам, вооружился баллончиком с краской.

Стук монотонно и глухо раздавался по всей комнате, но вдруг стих. Парень прислушался. Секунд пять в помещении стояла гробовая тишина. Три резких удара по дереву прижали Стаса к противоположной стене. Сердце отбивало ускоренный бит. Призадумавшись, молодой человек сочувственно посмотрел на правую руку и понял, что баллончик ему не поможет. Он вернулся в предбанник, взял из угла непонятно как оказавшуюся там дубинку и пошел к двери. Тихонечко он приоткрыл старую ворчливую щеколду – снаружи с силой дернули. Стас, зажмурившись, с размаху долбанул по неприятелю. Тот, лихо увернувшись, ушел в сторону на правую ногу.

– Я тоже рад тебя видеть, дружище...

На крыльце под проливным дождем стоял Капрал. Он ослепительно улыбнулся. От удивления Стас выронил свое оружие. Видеть товарища – счастье, но все это было настолько неожиданно, что парень даже растерялся. Лишь спустя минуту, друзья горячо обнялись. После чего Капрал был срочно впущен внутрь.

Эмоции зашкаливали. Пораженные ребята смотрели на чудом оказавшегося здесь друга, не произнося ни слова. Капрал же простодушно пожал плечами:

– Это было несложно. Один сердобольный старичок-уборщик проникся историей про «несчастную невесту», то есть тебя, Иришка, и спер для меня ключи.

Ну вот и все. Музыканты снова были все вместе. В других обстоятельствах счастью их не было бы предела, но сейчас они лишь чувствовали, что стали сильнее, и напряженно думали. Думали все об одном и том же, но на разный лад.

Не нарушая этой тишины, Док сосредоточенно поднялся со своего места. Ему не давало покоя скорое появление этого человека, ведь всего пару часов назад он был за решеткой. Парень подошел к столику со свежесваренным чаем и, плеснув немного заварки в свою чашку,

зачем-то снял крышку с керамического чайника. Взяв ложку, подцепил смородиновые листья и опустил в чашку. Ребята отвлеклись от веселья и следили за каждым движением. Отстраненный взгляд сфокусировался на танцующих чайниках:

– Что подвигнет человека почти в рассвете сил устраиваться на маленькую, я бы даже сказал, низкую, работу в тюрьму. И, что самое интересное, помогать заключенному, а сам зек, – он ложкой придавил листик к стенке чашки, – меньше чем за час совершает побег, – Док медленно повернулся к Капралу, – и он преспокойненько заявляется к друзьям, замыслившим нечто незаконное.

Градус напряжения в воздухе нарастал. Капралу стало не по себе. Слово «рецидивист» витало в эфире комнаты. Этот человек не назвал его так, но будто чувствовал потенциальное предательство. Он не знал, куда деть глаза. Он колебался. С какой стати Док играет с ним? Тем временем музыкант не сбавлял обороты:

– Может, охранник несчастен и искупает вину, но зачем мучить себя еще больше? А может быть, счастье все-таки было, и зек что-нибудь ему пообещал...

Последнее слово прозвучало особенно зловеще. Время вокруг них будто замерло. Прошла лишь минута, но для Капрала она разлилась в вечность. Музыканты не знали, как реагировать на происходящее между этими двумя. Похоже, слова Доктора посеяли в душах семя сомнения. Ира в задумчивости поглядела на старшего друга.

– А ведь Док прав... – но Стас жестом заставил ее замолчать.

Повисла тяжелая пауза. Неожиданно дверь в кладовку распахнулась. Мариша и Кирилл, сбивая друг друга, радостно подскочив к Капралу, заключили его в свои объятия.

– Приве-е-ет, мои хорошие, – он в свою очередь обнял детей, – какие вы уже большие! Стас печально усмехнулся:

– Да уж, выросли... сколько времени прошло... – похлопав друга по плечу, он мотнул головой в сторону выхода, – Пошли-ка покурим...

Капрал непонимающе посмотрел на Стаса. Его квадратный взгляд говорил примерно: «Ты че, офигел? Такое при детях предлагать!». Но по недвусмысленным жестам юного панка понял, что нужно именно выйти. Сейчас. Они молча ушли за дверь.

Дождь, льющий с самого утра, даже не собирался заканчиваться. Он с азартом хлестал уставшие осенние листья. Парни вышли под навес и несколько минут просто молчали. Это было их исполнение знаменитой «Четыре – тридцать три». Пауза нужна была обоим. Капрал откровенно не понимал, для чего нужно было выходить, и подозрительно смотрел на товарища.

– У меня есть связи, о которых спрашивала Ира... – скорее для того, чтобы прервать чересчур затянувшееся молчание, наконец произнес он. Но номер не прошел. Стас все так же стоял и с отсутствующим лицом смотрел куда-то за горизонт. Наконец невидящим взором он остановился где-то поблизости:

– Ей нельзя участвовать в операции...

Шесть капель дождя с акцентом ударились о деревянное крыльцо. Капрал усмехнулся. Ситуация выходила более чем забавная. Он понимал, что Стас в принципе прав. Однако, если отказываться от всего сейчас, зачем было разыгрывать весь этот маскарад с самого начала?

– Чего ты хочешь? – Капрал был явно озадачен всем происходящим в момент «здесь и сейчас». Он заглянул в беспокойные глаза друга. Неожиданно вспыхнувший в них ледяной огонь выбил неприятный холодный пот. Сильные руки схватили его за грудки. До него не сразу дошло, что это был, есть и еще п секунд будет Стас:

– Слуш-шай, кончай прикалываться... – Капрал попытался высвободиться из железной хватки. Но друг только сильнее сжал руки. Безумные глаза смотрели Капралу в самую глубь души.

– Я не верю, что ты что-то кому-то обещал в обмен на ключи, но... Ты должен, ты обязан убедить ее не участвовать в деле, – цедил сквозь зубы каждое слово Стас, – она тебя послушает, ей нельзя рисковать...

Это было похоже на безумие. Слова сыпались в полном хаосе. Разобрать что-либо было практически невозможно. Наглухо сомкнутые зубы «съедали» половину звуков.

Дождь барабанной установкой отдавался в гудящей голове. Стас открыл глаза и увидел собственные мертвецки белые костяшки рук. С ужасом и страшной болью он разжал пальцы. Капрал отряхнул мятый воротник:

– Ну, наконец-то... – он перевел взгляд на пробежавшего мимо мокрого кошки, – ничего не хочешь мне сказать?

Стас уже вполне осознанно поглядел на друга. Их обоих оглушил внезапный раскат грома.

– Уговори ее, – интонация парня опустилась до умоляющей, – тебя она послушает.

Лицо Капрала стремительно изменилось. Он понял, что скрывать правду больше нет никакого смысла. Он взглянул на Стаса и тихо произнес:

– Дружище, не руби сплеча. Ты всего не знаешь.

Глаза Стаса мгновенно вылезли из орбит, заняв собой буквально весь лоб. До этого момента Капрал думал, что они имеют границы. Как же обидно он ошибался. Капрал лишь похлопал друга по плечу. С одной стороны было желание закончить разговор, а с другой – необходимость принятия решения. Он тихонько приоткрыл дверь:

– Пойдем в дом. Уже прохладно.

Но Стас рукой загородил вход и даже с места не сдвинулся, пристально уставившись на друга. Капрал понял, что при всем желании уйти от ответа ему не удастся. Он задумчиво вытянул ладонь под дождь и, собрав в нее немного дождевой воды, перевернул:

– Пойми, я все равно должен буду вернуться, иначе мне накинут еще за побег. Пусть это хотя бы будет не зря.

Стас резко повернул голову и буквально выплюнул:

– Предатель. Только о себе и думаешь

Капрал вздохнул и выпустил клубок теплого пара:

– Может быть, но как бы то ни было, моя жизнь в ее руках. Она должна решить сама.

Сказав это, он отодвинул руку друга и вошел в помещение.

Глава 14

Стас на лету поймал излишне резкую дверь. Та только скрипнула под рукой хозяина. Молодой человек не заметил, как оказался под открытым небом. Лицо мгновенно стало мокрым, и было неясно: от слез или от дождя. Кто-то скажет, мужчины не плачут. Дал волю чувствам – значит не мужик.

Сейчас это было второй раз в жизни. Стас уже и не помнил, когда был первый. Память, словно заботливая мама, упрятала где-то в укромном месте события того дня. Он абсолютно искренне не помнил их.

Сквозь водяную пыль ему являлись лишь яркие картинки из прошлого. Вот Кирюха пытается первый раз взять в руки кухонный ножик, а когда режет пальцы, Маринка обливает его с головы до ног зеленкой, потому что «блатик сильно испугался клови». Вот он несет Иру из подземки. Она подвернула ногу, убегая от каких-то гопников. Над этим они потом все вместе очень долго смеялись. Все это он помнил, а как впервые плакал-забыл.

Ира... За ее взгляд, улыбку он готов был пойти на все, что угодно. Стас резко поднял глаза к небу. Фосфорический свет вспыхнул в них: обратного пути нет. Нельзя лишать ее права выбора. Главное, чтобы Ира была счастлива. Все остальное уже не играет никакой роли. Он решительно открыл дверь и вошел внутрь.

Медовый коридорчик оживлял звонкий Ирин смех. Стас положил руку на ручку двери. Он любовно провел по ошкуренному до блеска дереву. Недоброе предчувствие вдруг овладело его душой. Однако он взял себя в руки и максимально спокойно открыл дверь. Смех моментально стих. Что это? Стас было подумал, что оглох, но нет! По стеклу по-прежнему барабанил дождь, шумела листва, только дом... Дом неожиданно, в одну секунду будто онемел. Затих даже вечно недовольный старый сверчок под доисторическим радиоприемником. Не унимался лишь наводящий непонятное беспокойство голос. Эхом в его голове раздавались слова: «Скажи ей... Она поймет...».

Стас коматозно оглядел стены и потолок. Все вокруг стало каким-то чужим... Кто эти люди?... Что им нужно от него?.. В давно родных лицах друзей он видел незнакомые черты. Зачем... зачем они пришли? Почему сейчас он должен ей сказать об этом? И почему не может? Он боялся ответа. Но сейчас было необходимо что-то сказать. И сказать нужно было то, чего от него хотели услышать все. Ребята действительно ждали его решения. Нужно было немедленно прекратить этот внутренний монолог и уже что-то сказать. Стас сделал невообразимый акробатический трюк и с силой наступил на горло внутреннему голосу.

– Ира... – произнес он и сам удивился, насколько сдавленно это получилось, – родная... мы все тебя очень любим...

Испуганно спорхнули ресницы. Девушка тревожно подняла глаза. Ее диафрагма наполнилась воздухом, но Стас продолжил:

– Не перебивай, прошу... Я... Мы... понимаем, насколько тяжело это будет для тебя... – будто в поиске энергетической поддержки он заглянул в глаза Капрала, – но ты должна решить, будешь ли рисковать собой и свободой родителей, или... или же нет... – он снова перевел глаза на Иру, – мы не можем лишать тебя этого выбора.

Девушка только кивнула. Казалось, неясное состояние друга передалось и ей, а Стасу так хотелось услышать ее голос, ее ответ. Но она лишь молча повиновалась его воле. Будто под какими-то препаратами они молча разошлись по домам.

Несмотря на то, что час был поздний, сомкнуть веки не смог никто. В подвале дома №5 по улице маршала Жукова всю ночь тлел жирник. Док не мог заставить успокоиться свое шипящее от волнения дыхание. Даже ворчание старого дворника не способствовало приходу Морфея.

На Блюхера, 15 также никто не спал. Квартира на пятом этаже была пристанищем буйной рыжеволосой души. Несмотря на переживания этого дня, бычий организм Витька напрочь отказывался ложиться «баиньки». Ему было страшно и интересно одновременно. Волновал его один лишь вопрос: что же будет завтра? Чего ждать от загадочного Дока и непредсказуемого Стаса. С решением Иры он заранее был согласен. Стоп. Ты же не знаешь, чем для нее кончится ночь. Ну и что? Витек был готов на все. Рвался в бой. Горячая кровь кипела и жаждала действий. Но он абсолютно доверял Ире и беспрекословно подчинялся Стасу. Поэтому старался спокойно ждать. Но спокойствие это было обманом. Чуть только прикрыв глаза, он через минуту вскакивал и принимался монотонно прогуливаться по комнате. Не беспокоило его лишь то, что совсем рядом спит его мама. Может потому не беспокоило, что он знал, чем она там сейчас занималась, и это было совсем не похоже на сон. Разве что на кошмарный. Именно сейчас в соседней комнате она любезничала с очередным заграничным принцем, заглянувшим на огонек. Вино, свечи, бутерброды...

После того как ушел из семьи отец Виктора, женщине пришлось очень несладко. Она бралась за любую работу, которую только могла найти. Однако симпатичную молодую шатенку почему-то замечали исключительно работодатели с сомнительной репутацией, а вот адекватные обходили стороной. Она мыла подъезды, чистила унитазы в общественных туалетах и прятала глаза на родительских собраниях в школе. Поэтому, когда ей предложили непыльную высокооплачиваемую работу, она без раздумий подписала все документы. А заодно и приговор себе и сыну. Не буквально, конечно, но тем не менее. Ведь тогда она стала девушкой по вызову.

Конечно, по сравнению с мытьем полов, работа проституткой была раем. Она могла оплачивать счета, покупать еду. С другой же стороны, женщина пала слишком низко. Но это был единственный способ оплатить грабительскую коммуналку и сохранить Виктора. Ведь бывший супруг грозился забрать мальчика, а этого она допустить не могла никак. Сын ненавидел мать за ее деятельность, но сделать ничего не мог. Это была строгая, болезненная необходимость.

Историческая банька также сегодня не смыкала подслеповатых глаз. Дети не спали. Предчувствие каких-то больших событий не давало уснуть. Марина перевернулась на бок. Ее лицо осветил холодный лунный свет:

– Кир, мне страшно...

Мальчик прижался к сестре и прошептал:

– Если будет нужно, – он перевел дыхание, – я буду драться за тебя.

Марина не по-детски тяжело вздохнула:

– Именно этого я и боюсь, – ее голос горестно задрожал, – мне кажется, что ребята будут сражаться за этого ребенка насмерть. А ведь кто-то из них может и вправду погибнуть.

Кирилл как можно строже вытаращился на сестру, чтобы Мариша не заметила слез в его глазах:

– Спи давай, а то Стаса разбудишь, а ему силы нужны.

Он не понял, сработал этот трюк или нет, но сестра отвернулась на другой бок и явно успокоилась.

Однако, несмотря на эти детские старания, Стас не спал. Вернее, он был бы рад провалиться в сон, но не получалось. Мозг настырно выкидывал в сознание ужасающие картинки завтрашнего дня. Стасу чудилось, что кто-то незнакомый входит в их жилище и медленно расправляется со всеми музыкантами. Парень периодически вскакивал и по нескольку минут ходил из угла в угол, проверяя двери и окна. Убедившись, что они закрыты, ложился обратно, но его вновь одолевали демоны. Глючило, что какие-то твари уводят их Иру, и как она навсегда исчезает за железными дверями. В холодном поту он снова вскакивал, давился собственным криком, чтобы не разбудить детей, и торопил неповоротливый восход.

Трудно сказать, кому сегодня было тяжелее всех. Однако, не стовариваясь, ребята мысленно были с Ирой. Девушка же не могла заснуть вообще. Она перепробовала все методы,

чтобы отключиться, ведь подсознательно решение уже было принято. Закрывала глаза и усиленным воли представляла в воображении чаши весов. Но нити трещали по швам, а она понимала, что они одинаково дороги ей. Друзья были ее семьей. Она не могла их оставить. А семья – частью ее самой.

Прошло еще сорок три минуты и тридцать три секунды. Надо же, какая точность, а еще говорят, счастливые часов не наблюдают. Несчастливым они и в подметки не годятся. В голове стучало от напряжения. Складывалось впечатление, что какой-то недобарабанщик наяривал «Полет Шмеля». Истинная причина, разумеется, останется загадкой, однако думается, что, дабы прервать мучения воображаемого несчастного, за окном раздался душевынимательный вопль. Горе-музыкант, рывкнув что-то нецензурное, бросил инструмент, который чуть было не вылетел из ушей хозяйки головы. Рывком Ира поднялась с кровати. Желание увидеть этого «зяблика» взяло верх над могучей армией чувств во главе с желанием заснуть.

Осознание закона всемирного тяготения пришло слишком поздно. В ту же секунду сама, не понимая, как, Ира оказалась лежащей на полу. От удара голова перед глазами засияли звезды. В ушах зазвенело. На потолке появился до боли знакомый силуэт. Изображение было слишком размытым, но лицо неожиданно проявилось. Эти зеленые глаза, светлые, слегка курчавые волосы, легкие морщинки под густыми ресницами и спокойные, но усталые губы. – Мама... – прошептала Ира. Милые глаза засияли доброй улыбкой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.